

**Стенограмма парламентских слушаний на тему
«Основные направления совершенствования семейного законодательства Российской
Федерации на современном этапе»**

27 октября 2016 года

Е.Б. МИЗУЛИНА

Добрый день, уважаемые участники парламентских слушаний! Мы открываем их.

На данный момент уже зарегистрировались около 80 человек. Наши участники находятся в трех залах – в этом, в 701-м и в 802-м. Идет трансляция, поэтому они тоже вместе с нами, и очень многие на подходе. Мы немножко задержались, потому что записалось на выступления очень большое количество людей.

Тема действительно волнует очень многих, мы это понимаем, поэтому и проводим парламентские слушания. Те, кто был 17 марта этого года на парламентских слушаниях по семейному законодательству, знают, что (уже около 100 человек, 10 человек находятся в 802-м зале) и на прошлых парламентских слушаниях было много участников, были очень бурные дискуссии. И нашему комитету было рекомендовано подготовить законопроект, который касается очень острых статей Семейного кодекса. Это статьи, касающиеся мер семейно-правовой ответственности: ограничения родительских прав, лишения родительских прав, такой меры принуждения, как отобрание ребенка. То есть это те статьи и нормы, применение которых вызывает очень большую общественную озабоченность в силу неопределенности этих норм и тех злоупотреблений, которые, к сожалению, нередко бывают при применении этих положений Семейного кодекса.

И было запланировано в соответствии с рекомендациями парламентских слушаний от 17 марта, что осенью этого года наш комитет проведет вторые парламентские слушания, но по теме, которая предусматривала бы или была целенаправлена на предупреждение и недопущение внедрения ювенальной юстиции в Российской Федерации. Но на сегодня мы тему обозначили шире, потому что общественный запрос (те обращения, которые идут в комитет), выходит и за рамки этой темы. За прошедшие полгода многое изменилось, и соответственно было принято решение дать возможность высказаться по разным проблемам семейного законодательства на сегодняшний момент.

На что я хотела бы обратить внимание, прежде чем представлю вам подготовленную презентацию? На протяжении полугода работала временная рабочая группа координационного совета по совершенствованию семейного законодательства, куда входят ведущие ученые, эксперты в области семейного права, работала Временная комиссия Совета Федерации по

подготовке предложений по совершенствованию Семейного кодекса Российской Федерации. Мы работали и все лето. Работала Общественная палата. И вместе с нами работали представители ряда общественных организаций (я здесь их вижу), в том числе и Родительское всероссийское сопротивление, работали юристы этой организации, то есть это не просто общественники, а люди, имеющие опыт оказания помощи семьям и детям.

И мы подготовили законопроект на основании того, что обсуждали на прошлых парламентских слушаниях. Этот законопроект мы разослали, но не стали выносить на данные парламентские слушания, потому что это рабочая версия.

И сегодня мне поручено доложить с помощью презентации... Мы потом выставим эту презентацию, у вас будет возможность еще с ней ознакомиться детально, прочитать, вчитаться. Мы даем концептуальные положения, которые, мы считаем, важны, для того чтобы обсуждать на парламентских слушаниях и после них и выслушать вашу точку зрения.

Хотела бы обратить внимание, что вам роздан проект рекомендаций. В нем заложены некоторые концептуальные моменты. Как всегда, мы будем признательны, если вы в письменном виде и устно, может быть, кому удастся, озвучите... Будет еще неделя для того, чтобы вы могли представить письменные замечания, предложения, дополнения, поскольку после сбора этих замечаний, предложений и дополнений мы снова соберемся, снова будем обсуждать окончательный текст, и тогда, когда мы его сформулируем (рекомендации), также опубликуем на сайте комитета Совета Федерации, и вы будете иметь возможность посмотреть, что же получилось в итоге, что осталось с учетом того, что здесь прозвучало.

Я хочу еще раз вас заверить, что, если понадобится (а я думаю, понадобится), прежде чем соответствующий законопроект о внесении изменений в Семейный кодекс будет внесен, мы проведем еще и еще парламентские слушания и заседания "круглых столов", для того чтобы выработать единую позицию, ну, или почти единую позицию, потому что все-таки всегда кто-то остается не совсем удовлетворен. Но будем пытаться договариваться, иного пути у нас нет, и, в общем-то, это нам и напутствие Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, я об этом в своей презентации скажу.

Обращаю внимание на то, что у нас несколько докладчиков по программе. Я докладываю от комитета, временной комиссии и временной рабочей группы координационного совета по законопроекту. И по вашему запросу я включила в презентацию (это удлиняет ее, поэтому возникает вопрос: нужно ли это озвучивать и как лучше сделать?) слайды – сравнительную характеристику того, что произошло с поправками в статью 116 Уголовного кодекса, Уголовный

кодекс до того и сегодняшний, Уголовный кодекс в редакции Верховного Суда и сегодняшний, что мы получили и почему и я, и другие эксперты, и общественность правомерно утверждают, что в России с принятием закона № 323 созданы правовые основания для ювенальной юстиции в России. И хочу обратить ваше внимание, что ко мне в приемную практически каждый день поступает как минимум одно обращение с конкретными фактами, когда возбуждается уголовное дело по статье 116, потому что ребенок рассердился на родителей (не пустили на танцы, еще что-то), побежал пожаловался, соответственно возбуждено уголовное дело. В тот же вечер родители и ребенок договорились, но, к сожалению, уголовное дело прекратить невозможно. И если правоприменительную практику не остановить (а это можно сделать только путем скорейшего изменения закона), мы получим правоприменительную практику перекошенную.

Здесь присутствует уважаемый судья Верховного Суда Российской Федерации, он знает, что если практика сформировалась, то ее уже изменить очень сложно. Судебная практика, практика правоохранительных органов – это достаточно консервативная сфера, и через год или через два нам скажут: "Ну что же вы без конца меняете? У нас уже сложилось, мы отработали, механизм отработан. Опять менять?" То есть это вызывает раздражение. И не так просто изменить, механизм начинает работать по инерции. И надо учитывать, что мы с вами живем не в Швейцарии, а в Российской Федерации, поэтому наши территориальные пределы, наша удаленность от Москвы, регионов друг от друга – это тоже тот фактор, который мы должны учитывать, когда вводим какую-то норму. Потому что поменять потом опять на всей территории Российской Федерации (и здесь никакой Интернет не поможет) очень сложно, потому что люди живут не в Интернете, они живут в реальной жизни, взаимодействуя друг с другом.

У нас записались уже сейчас 27 человек. Среди докладов будет доклад Романовой Ирины Игоревны. Мы попросили ее сделать такой доклад (это тоже где-то до 10 минут) от министерства образования. Потому что по плану Правительства Правительство взяло на себя обязательство подготовить к 2017 году очень важный законопроект, касающийся поправок в Федеральный закон № 120 "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних", в Семейный кодекс Российской Федерации в части, касающейся внесения определенности: что же такое выявление ребенка, оставшегося без попечения родителей, и каков механизм? Каков механизм вторжения в жилище в целях обследования условий жизни ребенка? Это конституционная, кстати, норма – о праве на жилище. Сегодня Семейный кодекс попирает ее запросто именно потому, что нет механизма, а применять-то закон обязаны те, на кого это возложено. Применяют как могут. Что такое семья в социально опасном положении? Как она

ставится на учет и ребенок, находящийся в социально опасном положении? Этот механизм должен быть четко прописан. Каковы основания признания? На основании какого документа ставится на учет? На какой срок? Какие профилактические меры применяются? Когда снимается? Первичные, рабочие версии готовятся, в министерстве образования идет работа, и уже есть некоторые варианты. Но министерство образования также не хочет ошибиться, тоже хотело бы согласованный вариант. Поэтому я прошу всех, кто здесь присутствует, понимать, что те варианты, которые выносятся на обсуждение, они выносятся на обсуждение. Мы хотим получить согласованный вариант. Это не есть уже решенная задача. Можем ошибаться? Конечно. Поэтому и нужно обсуждение. Все еще можно и поправить, и исправить, и изменить. Поэтому просим этот момент понимать.

Семья Галина Владимировна тоже сделает доклад на 10 минут. В связи с чем? Они закончили исследование относительно, смотрите, органов опеки и попечительства. Это Столичная финансово-гуманитарная академия, она в ней заведующая лабораторией развития социальных программ защиты детства.

Галина Владимировна, вместе с министерством образования?

Г.В. СЕМЬЯ

Да.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Это очень важно – и структура, и стандарты, и многое другое. Вот я делала запрос, и мне министерство образования в этом году отвечало, что стандартов нет для сотрудника органа опеки и попечительства. Действительно, непросто их сформировать, учитывая, что у нас сегодня органы опеки и попечительства и для несовершеннолетних, и для совершеннолетних. Это, конечно, тоже очень сложно.

И много выступлений. Попрошу применительно к выступлениям... Мы договаривались, что регламент – до пяти минут, но вполне возможно, что по ходу придется корректировать. Будьте готовы к тому, что кому-то и три минуты... Потому что очень важно услышать всех. И заранее приношу извинения, если все-таки кому-то не удастся выступить. Обязательно у вас такая возможность будет. Я уверена, что мы проведем еще по меньшей мере заседание "круглого стола", соберемся столько раз, сколько надо. И Председатель Совета Федерации Валентина Ивановна Матвиенко высказала именно такое пожелание, рекомендацию – всем дать возможность высказываться, всех выслушивать. Сколько еще нужно проводить таких коллегиальных обсуждений здесь – столько и будем проводить, тем более что это официальная, государственная

площадка – Совет Федерации, парламентские слушания. И у нас есть возможность фиксировать основные моменты, о которых мы здесь говорим, в рекомендациях, в проекте рекомендаций. Мы считаем это очень важным. И те, кто с нами работает, знают, что мы всегда им следуем.

Поэтому прошу придерживаться регламента и, соответственно, быть по отношению друг к другу уважительными. Если кто-то хочет выступить, направляйте в письменном виде записочки, пожалуйста, хорошо? Но это уже получится, что как бы в очереди... Ладно, мы постараемся... Все зависит от вас, в принципе все могут успеть выступить.

Ну и сама себе предоставлю тогда слово для презентации.

Уважаемые коллеги! Я не случайно начинаю свою презентацию с этого слайда. Это Владимир Владимирович Путин выступает на проходившем в Москве 9 февраля 2013 года в Колонном зале съезде родителей России. Это Родительское всероссийское сопротивление – организация, которую здесь представляет Мария Рачиевна Мамиконян, она руководитель этой организации. И пришел он выступать туда не случайно, а в связи с тем, что эта организация организовала тогда серию протестов против находившихся в Государственной Думе двух законопроектов – президентского (об общественном контроле) и правительственного (о патронате). Скажу, что оба эти законопроекта потом были сняты с рассмотрения и отклонены.

Владимир Владимирович, придя на этот съезд, начал свое выступление именно словами, что это необычное мероприятие, направленное против внедрения ювенальной юстиции в России. Я специально даю цитату, потому что очень многие, в том числе и из моих коллег, и из общественности, до сих пор не знают позицию Владимира Владимировича Путина по отношению к ювенальной юстиции (или делают вид, что не знают, но, может быть, действительно не знают). Обратите внимание на его слова (я специально выделила жирным шрифтом то, что может быть очень важно, потому что это нравственный подход нашего Президента) по отношению к так называемой ювенальной юстиции: "Я посчитал своим долгом встретиться с вами и объяснить свою собственную позицию по этим вопросам, позицию руководства страны". Весь лейтмотив его выступления – это то, что у России есть свои многовековые семейные традиции и именно их надо продвигать и развивать в России и следует избегать слепого копирования чужого опыта.

Я не буду зачитывать все слова Президента, вы можете сами прочитать. Видно, что непродуманное внедрение таких механизмов вносит разлад, нарушает суверенитет семьи и вообще наносит громадный вред. И важнее устранять социальные причины и искать здесь варианты, которые позволили бы устранить то, что порождает развитие и появление механизмов

ювенальной юстиции. Думаю, что это правильный подход, в котором мы и должны искать решение.

Кстати, выступая в Государственной Думе седьмого созыва, Президент в своей речи специально сказал, что законодателям (а мы в законодательной палате, верхней палате российского парламента) важно добиваться того, чтобы законы были результатом гражданского согласия. И именно парламент должен быть такой площадкой достижения согласия. Это трудная работа, она требует много усилий, много времени, но это то, что дает хорошую отдачу на века для нашей любимой страны.

Когда шел, в частности, законопроект о поправках в статью 116 Семейного кодекса, многие мои коллеги, и не только коллеги, и журналисты говорили: "Да нет же ювенальной юстиции, потому что нет слов "ювенальная юстиция". Да, слов "ювенальная юстиция" стараются избегать все, и в нормативных документах тоже. Самое большее, что можно сейчас встретить в этих документах, – это ювенальные технологии. Почему? Таков общественный резонанс. Общество, про которое у нас говорили, что оно неактивно, оно настолько активно! Никто не проплачивает этих людей, никто их не науськивает. Их много по всей стране. Сегодня родительские комитеты буквально (не было бы счастья, да несчастье помогло) очень активно, сплоченно действуют, потому что, извините, принят ряд законов или внесен ряд норм, которые фактически разрушают все, чего добились до сих пор общественные организации. Так вот, речь идет о ювенальной юстиции как идеологии. В этом опасность. Причем даже та ювенальная юстиция, которая создавалась в Европе в прошлые годы, еще 10, 15, 20 лет назад, когда ее понимание сводилось к очень узкому кругу того, что это связано с ребенком, специальное правосудие для детей, которое находится в конфликте с законом, специальные процедуры рассмотрения дел, где ребенок, находящийся в конфликте с законом... и шире та ювенальная юстиция не выходила. Сегодня это совершенно другой подход. Сегодня мы должны говорить об идеологии и принципах ювенальной юстиции.

Вот европейский подход и российские традиции – полная противоположность. Европейский подход сегодня основан на противопоставлении родителей и детей через признание принципа приоритета прав ребенка по отношению к правам родителей. Вообще-то международно-правовые акты, в том числе Конвенция ООН о правах ребенка, напрямую так не говорят. Там говорится о приоритете прав ребенка по отношению к другим правам человека, но не родителей. За родителями как раз везде фиксируется приоритет прав по отношению в том числе к выбору методов воспитания и многое другое. Но, к сожалению, применяться стало

именно в этом контексте – как приоритет прав ребенка прежде всего по отношению к правам родителей. Но это же проще, проще обеспечивать именно по отношению к родителям, к тому же можно легко потом ребенка изъять.

В российской семейной традиции семья не основана на конкуренции прав. Права ребенка и человека вообще никакого отношения не имеют к семейной культурной традиции России. В России всегда преобладало другое – семья основана на распределении прав и обязанностей, ролей. Понятно, что чем младше ребенок, тем, конечно, меньше у него обязанностей, но уже какие-то маленькие обязанности по отношению к другим членам семьи должны быть, чтобы он понимал, что он находится внутри семьи, – убрать игрушки за собой, еще что-то. То есть в любом случае уже какие-то маленькие обязанности есть, и это большая ценность.

Сегодня в европейском подходе к ювенальной юстиции семья – основной источник насилия над детьми. В последней стратегии Совета Европы относительно детей вообще прямо записано, что основной источник насилия по отношению к детям (большинство, огромное число случаев насилия над детьми) – это прежде всего семья. Никогда в России этого не было. Семья – домашняя церковь. Разве в церкви можно издеваться, бить ребенка? Нет. Родитель заботится о детях, родитель беспокоится о детях, он применяет разумные методы воспитания, но это не есть насилие. Если есть насилие, это всегда осуждалось, и родители должны наказываться.

Презумпция недобросовестности родителей – это европейский подход. В любой ситуации конфликта с ребенком (как в праве говорят: твое право против моего права) у ребенка право первично, голос ребенка первичен. И мы уже сейчас в России по статье 116 с этим сталкиваемся. Уголовное дело возбуждается с ходу только при наличии заявления ребенка, без проверки, сразу, потому что ребенок лгать не может. Скажите, пожалуйста, это так? Вы с такими случаями сталкиваетесь? Самый маленький – трехлетний, пятилетний – да, возможно, но его можно легко ввести в заблуждение, он может не понять ситуацию. И каждый из вас приведет массу примеров, где ребенок говорит искренне, но он заблуждается. И родители разумные его вразумляют, поправляют, показывают ему, что здесь это добро, наоборот, что он не так понял и не так оценил ситуацию, или уходят, если речь идет о каких-то не очень приятных вещах – кто-то нецензурную брань использует и так далее.

В нашем контексте – всегда презумпция добросовестности родителей в осуществлении родительских прав. А это означает, что любые законы в отношении семьи и детей должны отталкиваться от того, что родители добросовестные, подавляющее большинство добросовестных, и как исключение из правила – те, кто недобросовестный, и именно, как исключение из правила,

жестко регулировать в отношении недобросовестных родителей, применяющих физическое насилие, сексуальное насилие, лишаящих детей возможности пропитания, образования, оставляющих маленьких детей без присмотра и в опасности. И это совершенно другой подход, потому что, если мы изначально исходим из того, что родитель – всегда источник угрозы и опасности, тогда жестко и регулируются прежде всего его родительские обязанности, его обязанности, а не обязанности государства. А государство по этой логике получает очень много возможностей вмешательства, ведь если презюмируется, что родители недобросовестны, значит, надо государству быть готовым каждую минуту к тому, чтобы вмешаться в семью и спасти ребенка от родителя, который недобросовестен.

В конце концов, я хотела бы обратить внимание, чтобы поняли сегодня те, кто до сих пор до конца не понимает опасности ювенальной юстиции, что современная ситуация с ювенальной юстицией коварна тем, что это не просто какой-то институт – это, во-первых, система, система, основанная на идеологии, система принципов, система подходов. Это очень коварно, она может заползть через разные, совершенно, казалось бы, не имеющие отношения к семье и детям нормы. И поэтому только неиспользование термина "ювенальная юстиция" не может нас успокоить и не позволяет утверждать, что сегодня Россия, скажем так, – среда, свободная от ювенальных технологий, и могут не беспокоиться семьи.

Позиция Русской православной церкви была высказана давно, потом, кто захочет, тоже посмотрите.

Соответственно, это вступление важно для того, чтобы... Сейчас я достаточно коротко, насколько это возможно, постараюсь обратить ваше внимание на те концептуальные положения, которые сегодня легли в основу подготовленного законопроекта о внесении изменений в Семейный кодекс, как я уже говорила, в статьи, касающиеся лишения родительских прав, ограничения родительских прав, отобрания ребенка.

Во-первых, виды семейно-правовой ответственности... Мы предлагаем ввести новую норму, новую для нынешнего семейного законодательства, – предупреждение родителей и выстроить меры семейно-правовой ответственности вот в такой иерархии (от самой мягкой до более жесткой): предупреждение, ограничение родительских прав на определенный срок (я обращаю внимание, что именно эта формулировка, сейчас объясню почему) и лишение родительских прав (дойдем до ограничения, не буду сейчас специально останавливаться, чтобы было быстрее).

Предупреждение родителей как наиболее мягкая форма семейно-правовой ответственности. Мы пока согласовали два положения. Будем рады, если вы сформулируете еще какие-то дополнения или обратите внимание на опасности, которые здесь представлены. Прочитайте потом еще раз выступление Владимира Владимировича Путина, он очень четко сказал, что именно в семейном законодательстве, именно применительно к семье – никаких неопределенных формулировок, они должны быть строгими, четкими, исчерпывающими. Поэтому, если вы видите какие-то опасения, обязательно представьте их в письменном виде, мы будем искать варианты, как это разрешить.

"При нарушении прав и законных интересов ребенка" – да, широко, но это формулировка, которая уже есть в Семейном кодексе, она работает, и мы использовали ее как устоявшуюся, никто не возражал из тех, кто сегодня работал над этим законопроектом. Если будет более формальная и определенная – пожалуйста, письменное предупреждение. И когда возможно письменное предупреждение? Если не установлены достаточные основания для ограничения родительских прав или лишения родительских прав. То есть фактически эта мера может применяться тогда, когда действительно есть что-то весомое. Сегодня сразу ставится вопрос о лишении либо об ограничении, значит, все-таки мы говорим "нет". Посмотрите, может быть, предупреждением можно обойтись. И форма письменного предупреждения утверждается... В данном случае, видимо, будет министерство образования (не могу сейчас сказать, не буду гадать), уполномоченное Правительством...

Основания ограничения родительских прав. Посмотрите в действующей редакции и в новой редакции. В действующей редакции: "...если оставление ребенка с родителями или одним из них опасно для ребенка по обстоятельствам, от родителей не зависящим". Вот мы это отнесли к невиновному поведению, потому что это может быть тяжелое заболевание родителя, пока он не выздоровеет. Так называемое ограничение родительских прав на неопределенный срок может быть применено, если такая возможность будет. И это не рассматривается как виновное поведение – именно невиновное. Мы убрали и не включили даже и в ограничение родительских прав на неопределенный срок такое основание (ну, или обстоятельство), которое сейчас есть в действующей редакции, вот в этой, первой, – "стечение тяжелых жизненных обстоятельств". Потому что, к сожалению, практика показывает, что это стечение тяжелых жизненных обстоятельств начинает сегодня (таких фактов достаточно много) расшифровываться: бедность, плохие жилищные условия, задолженность по ЖКХ, нет временной регистрации или прописки – и до бесконечности.

Это ошибочный подход, потому что здесь речь идет именно о таком заболевании, когда родитель не может сам по не зависящим от него причинам обеспечивать воспитание ребенка. Все то, что я сейчас перечислила, не должно являться основанием для ограничения родительских прав. Это могут быть другие основания (ну, или другие меры работы с этой семьей), в том числе оказание ей социальной помощи и поддержки, о чем опять же Владимир Владимирович Путин в том выступлении, 9 февраля 2013 года, и говорил.

Второе основание в действующей редакции – если оставление ребенка с родителями вследствие их поведения является опасным для ребенка. Понятно, что оценочное суждение – "вследствие их поведения", но навряд ли нам удастся все перечислить, и полностью мы от оценки не уйдем. Но если это судебный порядок и если суд... это судебная процедура, где могут участвовать обе стороны, а у нас еще и Общественная палата (и Виноградова Людмила Николаевна, представляя Общественную палату) настаивает на том, чтобы была включена норма (и я, пожалуй, соглашусь) об обязательном участии адвоката на стороне родителей при рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей, лишением родительских прав, ограничением родительских прав, отобранием ребенка.

И в новой редакции что мы предлагаем там, где оставление ребенка с родителями?.. Только вследствие поведения, которое является опасным для жизни и здоровья ребенка. Почему не установлены достаточные основания для лишения? Потому что мы считаем, что нужно четко прописать... и мы разграничиваем основания ограничения и лишения, они у нас здесь не пересекаются. Ограничение, как правило, должно предшествовать лишению родительских прав. Но вводим соответственно какие? Родители уклоняются от выполнения обязанностей, в том числе при уклонении от уплаты алиментов (это было в лишении), родители отказываются без уважительных причин взять своего ребенка из медицинской организации, воспитательного учреждения (обратите внимание, здесь нет новорожденного ребенка, вы видите, что мы разграничили эти основания) и являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией (это основания для ограничения родительских прав, а не для лишения родительских прав, потому что все-таки и у хронически больных алкоголизмом и наркоманией есть шанс выздороветь, а значит, сразу применять лишение родительских прав, не дав им возможности вылечиться, восстановиться, наладить свою жизнь, нельзя).

Я уже говорила, ограничение на неопределенный срок – это не является мерой семейно-правовой ответственности. Срок ограничения предлагаем, как сейчас, – до шести месяцев, но с возможностью продления – не более шести месяцев. У нас есть еще вариант: мы написали, что в

принципе продлевать можно и на меньший или на больший срок по истечении шести месяцев, если родитель дал согласие и на основании судебного решения ему дали социальное сопровождение. Но обсуждайте... Есть версия о том, чтобы обязательно давать социальное сопровождение, если шесть месяцев прошло, он начал исправляться, но еще не изменил поведение, чтобы все-таки ему было предложено социальное сопровождение вот на этот срок. Есть точка зрения, чтобы не связывать социальным сопровождением. Давайте посмотрим, но, я думаю, без этого не обойтись, потому что тем, кто ограничен в родительских правах, нужна помощь, а эта помощь может заключаться в том числе и в том, что все-таки им ставится тот человек, который будет осуществлять наставничество.

Кроме того, возник вопрос... Мы сформулировали некоторые... У нас будет специальная часть статьи (фактически она уже есть), где будет прописано, при принятии решения об ограничении родительских прав на определенный срок какие вопросы должен разрешить суд в судебном решении: о невозможности совместного проживания с ребенком (то есть мы различаем, возможно или невозможно; у нас первоначальное было – о возможности, но тогда в каждом случае фактически суд должен был бы это в решении писать, то есть все-таки число случаев, когда возможно проживание, больше, чем когда невозможно), о взыскании алиментов и иные вопросы. Я сейчас здесь концептуально сформулировала "иные вопросы". У нас пока на это ответа нет.

Мы обсуждали следующее (вот я указала). Мы обсуждаем вопрос о том, чтобы прямо записать перечень тех родительских прав, которые суд, принимая это решение, может ограничить на основании судебного решения. Например, право родителя давать согласие на выезд за границу или возложение на родителя какой-то обязанности, допустим, пройти курс лечения от алкоголизма. Но это, скорее, связано все-таки с социальным сопровождением. В любом случае это перечень тех прав, в которых родитель может быть ограничен. И, пожалуйста, будем рады, если вы выскажете свою позицию, нужен такой пункт или нет. Просто если его не вводить, то не понятно, как будет работать ограничение. Фактически оно будет работать... если ребенок остается проживать с родителем, ограниченным в родительских правах. Просто ограничен на определенный срок? А ребенок остается с ним? И родитель должен изменить поведение? А что он должен сделать? Те, кто работает с семьями, знают, что иногда бывают случаи именно применительно к этим семьям, где желательно бы семье подсказать, что должен родитель сделать, особенно если не будет вводиться социальное сопровождение. То есть фактически ведь есть такие родители, которым можно будет такие рекомендации давать.

Семнадцатый, пожалуйста, по лишению родительских прав, основания лишения родительских прав. Посмотрите, что мы предлагаем.

В действующей редакции очень много (вы видите в левом столбце) таких... "уклоняется от выполнения обязанностей родителей". Мы это отнесли к ограничению, потому что все-таки можно и не отбирать ребенка либо отобрать, в чем это может выражаться. Почему сразу лишать? Ведь уклонение сегодня трактуется очень широко и, соответственно, сразу как основание для лишения родительских прав совершенно неоправданно, если исходить из того, что лишение родительских прав – это крайняя мера родительской ответственности.

"Отказываются без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома либо из иной организации"... Мы оставили только "из родильного дома" и специально указали, что форма акта об отказе должна утверждаться, потому что именно законом делегируем такие полномочия федеральному органу исполнительной власти. Это важно – именно в форме закона... не порядок, не что-то, потому что порядок – это и есть механизм исполнения нормы. Как только возникает слово "порядок"... порядок – это механизм исполнения. Это мы, законодатели, отказываемся от того, чтобы прописывать четко механизм, а потом общественность и говорит: "Так вы что делаете?" Этот порядок трактует как хочет, да еще всякими подзаконными актами его регулируют. Только закон. Порядок – в законе. Чего не хватает, давайте пропишем, если механизм непонятен.

Жестоко обращаются с детьми – это преступно. Жестоко обращаются с детьми, осуществляя физическое и психическое насилие. Это там, в преступлении, жестокое обращение. И, естественно, это не является основанием для лишения родительских прав.

"Являются больными хроническим..." мы отнесли к ограничению. И "совершили умышленное преступление". Что значит совершили? А он потом оправдан и признан невиновным. А следствие может длиться годами, и ребенок живет в детском доме. Это что за ситуация? Уже в современном мире Россия! У нас только вступивший в законную силу обвинительный приговор суда является основанием для поражения в правах. Мы что, в 1937 году? Поэтому мы предлагаем "вступивший в законную силу приговор суда". И здесь применительно к каким преступлениям? Вот обязательно... Да, мы расширяем перечень: "...умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей, другого ребенка..." В действующей редакции – "...умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей, другого родителя... супруга..." Мы в отношении ребенка пока только умышленное преступление... Не уверена, что это правильно, поэтому, пожалуйста, обратите на это внимание.

И еще мы вводим основание, связанное с ограничением родительских прав: по истечении срока ограничения родительских прав суд не вынес решение об отмене ограничения либо о продлении срока ограничения. Понятно, да? То есть когда, видимо, уже совершенно невозможно...

Концептуальным мы считаем отнесение круга лиц, правомочных инициировать иски о лишении и ограничении. Сейчас очень широкий круг, вы видите, потом посмотрите. Мы ограничиваем этот круг и, соответственно... А то сейчас – и администрация детского сада, и детского дома.

Статья 77 (тоже концептуальная) – отобрание ребенка при непосредственной угрозе жизни. Обратите внимание: только суд, с учетом мнения ребенка, если это не противоречит законным интересам ребенка, естественно, ребенка при достижении определенного возраста.

Мы вводим норму о том, что можно разрешить контакты родителю, лишенному родительских прав. Находится в местах лишения свободы или отбывает наказание, исправительные работы или еще что-то, проживает в другом месте от ребенка... А совершил что? Автоаварию, которая повлекла гибель одного или двух человек. Соответственно, его могут лишить родительских прав, тем более если он находится в местах лишения свободы. Лишать контактов такого родителя или нет – это решит суд. Но у нас очень много обращений относительно того, что не надо так однозначно лишать родительских прав в любом случае, когда имеют место приговор и обвинение, и мы с этим согласились, что это правильно, тем более что будет решать суд.

Отобрание ребенка в случаях, не терпящих отлагательства (эта формулировка сформировалась в законодательстве, устойчивая), на основании решения органа опеки и попечительства о незамедлительном отобрании ребенка. В тот же день в течение 24 часов с момента отобрания орган опеки направляет в суд решение об отобрании, уведомляет прокурора. Суд в срок не позднее 24 часов (наш уважаемый судья подтвердит, что по всей стране уже 15 лет действуют дежурные судьи и в выходные, и в ночное время, и так далее) с момента получения решения проверяет законность и обоснованность произведенного отобрания, выносит постановление о законности (незаконности). В случае признания незаконным ребенок подлежит возврату (смотрите, по времени это где-то двое суток) родителям или другим лицам, на попечении которых он находился. И при отобрании ребенка могут применяться (или применяются) стенографирование и... Вот это надо решить. Эта норма (как бы могут...) – дискреция или все-таки она должна быть императивной? Это вопрос для обсуждения. Но в любом

случае должен составляться какой-то протокол или акт отображения обязательно. Мы это включим обязательно. Должен протоколироваться сам акт. Это очень серьезно. Это очень серьезное процессуальное действие, и все должно фиксироваться. И в этом акте должно отражаться, проводились ли видео- и фотофиксация и так далее.

Кроме того, мы столкнулись со следующей ситуацией. Обратите внимание, есть инструкция, утвержденная приказом МВД 15 октября 2013 года "Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации", в приложении к которой – акт о выявлении подкинутого или заблудившегося ребенка. В ситуации с гибелью в Санкт-Петербурге новорожденного мальчика Умарали Назарова, которым наш комитет по поручению Совета Федерации занимался, в том числе следил за ходом расследования, вот на основании такого акта мать задерживают, потому что у нее просрочена виза (она гражданка Таджикистана), ребенка у нее отбирают, составляют акт о выявлении подкинутого или заблудившегося. Ну, шестимесячный ребенок, какой он подкинутый, какой заблудившийся? И это не единичный случай. Законно действовали сотрудники? Да, на основании инструкции. Все законно: инструкция зарегистрирована в Министерстве юстиции Российской Федерации. Мы еще будем с этим разбираться, как они пропустили, потому что Семейный кодекс в этой части никто не отменял. В статье 121 Семейного кодекса сказано: выявляют только органы опеки и попечительства, только они.

А мы сколько грешили на органы опеки и попечительства? Оказывается, полиция при проведении таких акций, как выявление тех, кто с нарушением миграционной визы, какие-то притоны накрывает, да, сталкивается с ситуацией, когда они задерживают родителей, а ребенок остается один. Возможна ситуация такая? Да, мы согласны, что это возможно. Нельзя препятствовать, не вызовешь каждый раз органы опеки и попечительства, потому что сразу возникает вопрос: сколько же у нас должно быть сотрудников органов опеки? Это и ночью, и днем.

Поэтому надо наделить органы полиции такими полномочиями. Но как мы предлагаем сделать? Акт о выявлении ребенка, оставшегося без присмотра... Он же остается без присмотра фактически по безвиновному (виновному) поведению сотрудника полиции, когда они проводят эти свои внезапные акции. Соответственно, форма акта утверждается, и, вы видите, незамедлительно они передают ребенка органу опеки и попечительства уже для последующего устройства так, как это делают органы опеки и попечительства.

Ограничение... И мы предлагаем здесь же... потому что отмена усыновления может быть и в результате виновного поведения усыновителя, может иметь место по собственной инициативе усыновителя. Так вот, в Российской Федерации мы предлагали вариант восстановления в правах усыновителя. В частности, к нам многократно обращались представители общественности. Вот семья Агеевых – это такой пример, который спустя годы показывает, что, когда лишали родительских прав, когда наказывали эту семью, похоже, все-таки произошла такая несправедливость. Но восстановить в правах усыновителя сегодня по Семейному кодексу невозможно, нет этого института. Мы изучали зарубежную практику, и везде существует срок давности для отмены усыновления – это три года, пять лет, где-то два года. Мы предлагаем отмену усыновления в течение трех лет со дня вступления в законную силу решения суда об усыновлении, а по истечении трех лет он приравнивается к родителю в родительских правах, значит, лишение родительских прав и так далее. Отказаться от ребенка – лишение родительских прав. Ничего другого со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вот основные положения законопроекта.

Дальше – то, что касается статьи 116 Семейного кодекса. Я могу остановиться и потом эту презентацию... либо вы посмотрите презентацию по статье 116. Могу вам пролистать, для того чтобы вам было видно. Я взяла выдержки из пояснительной записки Верховного Суда.

Хочу обратить ваше внимание на мой законопроект, он уже имеет номер, он внесен 27 июля этого года. Он восстанавливает редакцию Верховного Суда, принятую Госдумой в первом чтении, то есть уходят побои в административные правонарушения.

Поступили отрицательные официальные отзывы и Правительства, и Верховного Суда Российской Федерации. Но, во-первых, это не является препятствием для принятия закона, а потом, применительно к Верховному Суду... я хочу его защитить, потому что не надо ставить Верховный Суд в ситуацию, когда он должен делать выбор между одним членом Совета Федерации и другим, между членом Совета Федерации и депутатом Государственной Думы, потому что это вопрос политический. А Верховный Суд точно попадает в эти клещи с такого рода комментариями.

Так вот, Верховный Суд Российской Федерации (я специально взяла выдержки из пояснительной записки)... Это декабрь 2015 года. Почему вышли с либерализацией? Они изучили судебную практику. Вы посмотрите, структура судимости как изменилась! В 1997–2001 годах только каждый пятый был осужден за преступление небольшой тяжести (а в основном это были статья 157, часть 1 статьи 116 "Побои"), к 2014 году – уже каждый второй. Вы представляете,

какие расходы мы несем на расследование, судебную систему, когда фактически это не стоит такого наказания, административное наказание здесь более эффективно! Неэффективно. И по побоям, кстати, в том числе и сторонники домашнего насилия, могу вам сказать... административные наказания за побои внутри семьи скорее бы дали эффект, здесь Верховный Суд абсолютно прав, потому что нет судимости. Ведь женщины зачастую отказываются или примиряются со своими супругами, потому что не хотят судимости отцам своих детей. Ведь это надо понимать. А сейчас что сделали?

Посмотрите, сделаны все сравнения. Но я хочу обратить ваше внимание еще вот на что. У нас, в Российской Федерации, более 60 составов в Уголовном кодексе, которые предусматривают уголовную ответственность за разные виды насилия в отношении членов семьи. Уголовное законодательство Европы еще "отдыхает" по отношению к нашему. Так вот, лучше всем сторонникам домашнего насилия проанализировать, систематизировать ответственность за насилие в Российской Федерации и там, в Европе, гордиться и учить, как это надо делать, как у нас, в России, а не пытаться говорить, что мы дремучие и отсталые.

Я привела здесь, пожалуйста, только применительно к телесным повреждениям (к телесным!) 12 составов. Ведь что сделали? Вам любой честный юрист это скажет. Что сделали? Ведь побои... Правила определения степени тяжести... Знают сторонники домашнего насилия, что у нас всегда действовали и действуют утвержденные Минздравом правила определения степени тяжести? Это не судья определяет, это определяют медики в соответствии с правилами. Так вот, побои даже не являются вредом здоровью. Не являются! А легкий вред здоровью (это часть 1 статьи 115, которая сегодня как была, так и осталась) – когда больничный до 21 дня и так далее. Поверхностные повреждения, побои (это статья 116), в том числе ссадины, кровоподтек, ушиб, не причинившие вред здоровью, не относятся даже к телесным повреждениям. Это надо понимать. И мы нарушили принципы справедливости наказания, соразмерности наказания.

Вот специально сделала таблицу. За побои близких лиц (я уж не буду останавливаться на том, кто такие близкие лица) теперь максимальное наказание – до двух лет лишения свободы, неблизких, включая бывших супругов, даже если живут в одной квартире новая супруга и бывшая семья (знаете, что таких ситуаций много), – административное наказание. За причинение легкого вреда здоровью (это статья 115), не имеет значения близость, максимальное наказание (то есть если вы бьете так, что на 21 день человек попадает в больницу) – до четырех месяцев ареста. А если вы стукнули так, что ничего нет и неизвестно, стукнули ли вы, но испытал физическую боль, – два месяца. Уголовное дело не может быть прекращено по статье 116. Побои неблизких лиц –

уголовного дела нет вообще. Если есть легкий вред здоровью (неважно – близкие или неблизкие) – уголовное дело может быть прекращено в связи с примирением сторон. То есть если схватил за плечо и ничего нет, а он говорит: "Я испытал физическую боль", то уголовное наказание до двух лет лишения свободы, примириться нельзя, а если избил так, что все лицо вспухло, и на 21 день, то можно прекратить в связи с примирением сторон, максимум четыре месяца ареста.

И что получилось? Близких лиц поколачивать нельзя, слегка, бить можно и нужно, тогда не посадят в тюрьму, будет максимум четыре месяца ареста по статье 115. Неблизких лиц колотить можно, не посадят, особенно бывшую жену, колотите, вымещайте... И относительно легкого вреда здоровью, вот это – избивать и чтобы на 21 день человек попал в больницу: бейте кого хотите и посильнее – и соседских детей, и близких, и неблизких – кого угодно, не посадят, и примириться можете, потому что осталось дело частного обвинения.

И вот возникает вопрос: сторонники домашнего насилия, вы чего добились? А вы действительно сторонники домашнего насилия или вы просто элементарные фарисеи, о которых много в Библии написано? И почему мы считаем, что статья 116 – это ювеналка? Под побои подпадают действия, вызвавшие физическую боль. Побои могут быть с видимыми повреждениями по статье 116, не относящимися к тяжкому, средней тяжести либо легкому вреду здоровью, либо без видимых повреждений вообще. Для возбуждения уголовного дела достаточно заявления несовершеннолетнего. У нас так сейчас и пошло: заявил несовершеннолетний – даже проверки материалов нет, что он испытал физическую боль. Он испытал физическую боль. То есть фактически единственные показания – самого потерпевшего. Мы прежде всего про несовершеннолетних говорим. Уголовное дело может быть возбуждено по сообщению не только несовершеннолетнего потерпевшего, но и любого другого лица, которое видело.

Кто-то увидел, что вы дочь хлопнули по попе, потому что она выбежала на проезжую часть за мячиком, или за руку ее дернули, чтобы с проезжей части на тротуар вернуть, и сообщит: стукнула, побои. Всё. Потому что у нас можно и на основании анонимного... В этом случае тот дежурный в полиции, который принял это сообщение по телефону, составляет рапорт, и этот рапорт является основанием для проверки, возбуждения уголовного дела. И возбуждение уголовного дела по статье 116 относится к обстоятельствам, угрожающим жизни и здоровью ребенка, то есть является основанием для отобрания ребенка из семьи, применения к родителям еще и мер семейно-правовой ответственности.

То есть возбудить дело легко, но это является основанием для отобрания ребенка. Поэтому люди, которые мне пишут, причем описывают совершенно реальные ситуации, просто

молят о помощи, говорят: у нас еще есть маленькие дети. С подростком действительно возник конфликт. Да, ударила, но без последствий. Через два часа она побежала, сгоряча пожаловалась, потому что не отпустили на танцы. Пришли вместе к полицейскому. Полицейский говорит: нет, я прекратить не могу. Это действительно так. А у них еще маленькие дети. И теперь они боятся, что и лишат родительских прав, и детей отберут. И таких ситуаций немало.

И я прошу учитывать эти моменты, потому что на самом деле самая главная задача законодателя – не допустить непреднамеренных неблагоприятных последствий для тех людей, ради которых мы принимаем законы.

Пожалуйста, в частности, я дала свой электронный адрес в Совете Федерации, чтобы вы могли получить информацию. И вся презентация будет выставлена. Мы ее всю выставим в электронном виде, с тем чтобы вы могли еще раз вчитаться, посмотреть, не согласиться с чем-то, если вы считаете возможным.

Я всегда открыта к дискуссиям. Но могу сказать (позволю себе это сказать, хотя не очень люблю громкие заявления): если я, как мне говорят, напориста, значит, я убеждена. Почему я бываю убеждена абсолютно? Пока я не сниму все сомнения, ни за что не буду отстаивать тот или иной момент. А как я снимаю сомнения? Обсуждая с вами, с очень многими экспертами, специалистами. Даже имея профессиональные большие знания и опыт, я никогда не рассчитываю только на них. И я считаю и надеюсь, что все мои коллеги и все, кто участвует в этом процессе, действуют точь-в-точь, я так презюмирую, что действуют точно так же. Мы не должны ошибиться.

Я хочу пожелать нам всем хорошей, дружной работы. И я уверена, что мы достигнем согласия и добьемся того, чтобы наше семейное законодательство было безопасным для наших, российских, семей и детей, чтобы оно поддерживало семьи, нашу традиционную семейную культуру.

Без семьи России не будет. С семьей европейского образца России не будет. Надо это понимать. Поэтому, если мы хотим разрушить Россию, давайте создадим такие семьи и такие подходы обеспечим в семейном законодательстве, как в Европе, – без границ. Но вы понимаете, что, как только мы открываем границы, Россия перестает существовать. К сожалению, это факт, который нам приходится признавать в нынешнем веке. Я не думала, что когда-нибудь России (во всяком случае, 20 лет назад) придется снова защищать свои границы и снова вот таким образом – свою территорию, свой суверенитет и свое право, строить и организовывать здесь жизнь так, как

хотят наши граждане. Но это новая реальность, поэтому отчаиваться не надо. Может быть, не было бы счастья, да несчастье помогло. Удачи всем! (*Аплодисменты.*)

Слово предоставляется Романовой Ирине Игоревне, заместителю руководителя Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей Министерства образования и науки Российской Федерации, для доклада на тему "О развитии законодательства в сфере защиты прав детей".

И.И. РОМАНОВА

Уважаемая Елена Борисовна, уважаемые участники парламентских слушаний! Спасибо за предоставленную возможность рассказать (я постараюсь это сделать коротко, в двух словах) о том, над чем сейчас Министерство образования и науки работает, над какими законодательными и иными нормативными инициативами, ну и остановиться, естественно, на тех аспектах, о которых уже упомянула Елена Борисовна.

Учитывая, что Министерство образования и науки – это федеральный орган исполнительной власти, который занимается нормативно-правовым регулированием и реализацией государственной политики в сфере опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних, конечно, одно из основных направлений – это защита прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. И сегодня у нас в государственном банке данных находятся сведения о 61 794 детях. Это уже на 13 процентов меньше, чем в начале этого года. Из них 30 процентов – это дети-инвалиды и дети с ограниченными возможностями здоровья, 50 процентов – это дети, которые имеют братьев и сестер, и более 77 процентов – это дети старше 10 лет. Мы ежемесячно собираем оперативную информацию по ситуации, которая связана с выявлением и устройством детей, оставшихся без попечения родителей. У нас сохраняется положительная тенденция в том плане, что число детей, которых устраиваем на воспитание в семьи граждан, возвращаем биологическим родителям или передаем под предварительную опеку, значительно больше, чем число тех детей, которых мы выявляем и у которых есть статус детей, оставшихся без попечения родителей. Так вот, за восемь месяцев выявлено 38 тысяч детей, усыновлено, передано под опеку, под предварительную опеку или возвращено родителям 52 800 детей. За такой же период предыдущего года это соотношение было меньше на 6 процентов.

Если сравнивать результаты, которые говорят о причинах отсутствия родительского попечения, в том числе и о том, какое количество детей, у которых родители лишаются родительских прав, то в 2015 году по сравнению с 2014 годом на 28 процентов сократилось число детей, у которых лишены родительских прав оба или единственный родитель, с 36 тысяч до 26

тысяч. Число детей, у которых ограничены в правах оба или единственный родитель, увеличилось в 2015 году на 14 процентов – с 6692 детей в 2014 году до 7647 детей в 2015 году.

Вместе с тем у нас, к сожалению, растет и число отмен решений о передаче детей на воспитание в замещающие семьи. Этот рост зафиксирован в 2015 году на 6 процентов по сравнению с 2014 годом. И число детей, которые находятся при этом под опекой, тоже растет, но не такими темпами.

Я обращаю внимание... Понятно, что у нас обязательная подготовка была введена только в 2012 году. При этом выросло число отмен опеки или усыновлений в том числе и от лиц, которые такую подготовку прошли. К сожалению, причиной этому является в том числе непрофессиональное и несвоевременное оказание помощи семье, в том числе замещающей. Службы сопровождения иногда лишь номинально стараются выполнять свою задачу, а со стороны замещающих родителей отсутствует мотивация по получению помощи специалистов. И поэтому сейчас наша основная задача – это повышение квалификации и компетенции работников органов опеки, служб подготовки и сопровождения семей.

При формировании кадровой политики, подготовке должностных инструкций руководителям органов опеки мы рекомендуем руководствоваться приказом Минтруда об утверждении профстандарта. Сегодня мы разработали и уже третий раз направили на согласование в Минтруд проект приказа, который определяет требования к профессиональным знаниям и навыкам сотрудников органов опеки и попечительства.

Мы также провели мониторинг. Галина Владимировна еще будет говорить о результатах мониторинга, который мы провели по квалификации специалистов, о том, какая у нас сейчас численность специалистов органов опеки, и о той нагрузке, которая на них приходится. Мы провели также мониторинг деятельности школ подготовки. 85 процентов опрошенных заявили, что нуждаются в повышении квалификации. Мы этим вопросом тоже занимаемся. У нас только в течение этого года уже прошло 11 обучающих семинаров во всех федеральных округах по вопросам деятельности организаций для детей-сирот и развития семейных форм устройства с участием более 2 тысяч специалистов. Практика проведения таких семинаров продолжится. Однако здесь необходимо обратить внимание на то, что, к сожалению, не все регионы оперативно и должным образом реагируют на эту возможность и принимают участие в наших семинарах.

При этом крайне важно своевременно осознавать проблему и принимать меры по улучшению системы подбора и подготовки родителей, сопровождения сложившихся семей, осуществляя дифференцированный подход к подготовке. Наша задача – так подготовить родителя,

чтобы минимизировать проблему в самой семье, исключить возврат ребенка. И поэтому сегодня с учетом имеющейся потребности разрабатываются модульные программы сопровождения замещающих семей, типовые модули программ подготовки лиц, желающих принять в семью детей с ограниченными возможностями здоровья, старшего возраста и сиблингов. Напомню, что с 2010 года кандидаты проходят подготовку, с 2012-го она стала обязательной для всех, за исключением близких родственников и тех, кто уже имеет положительный опыт воспитания детей.

В 2015 году утверждены единые федеральные требования к порядку организации подготовки лиц, они утверждены приказом Минобрнауки № 235. Требованиями установлено в том числе, что к подготовке привлекаются не только специалисты, но и приемные родители, имеющие опыт, органы опеки организуют повышение квалификации не реже одного раза в два года. К сожалению, такие требования очень редко выполняются, на это также необходимо обращать внимание.

И сегодня (мы это обсуждали и на форуме приемных семей, который прошел в Краснодарском крае, в городе Сочи, в октябре этого года) родителями, в том числе и приемными, было поддержано наше предложение о том, что необходимо осуществлять подготовку в отношении всех кандидатов в замещающие родители, в том числе и родственникам готовиться, а также тем, кто уже имеет опыт воспитания, но, возможно, проходить ее через пятилетний период, если эта подготовка, например, была пройдена пять лет назад.

Кроме того, конечно, надо задумываться в том числе и о повышении квалификации замещающих родителей, потому что одно дело – когда мы готовим их на момент, когда они только задумываются о том, что они хотят стать приемными родителями, а другое дело – когда они уже сталкиваются с конкретными проблемами воспитания ребенка, а также с трудным поведением детей.

При этом важной составляющей в этой проблеме являются оценка психологического состояния граждан, их мотивация и склонность к жестокому обращению. И, несмотря на то что сегодня психологическое обследование является необязательным, не все школы и не все регионы, к сожалению, пока готовы его проводить, оно позволяет своевременно скорректировать те или иные действия граждан, а также органам опеки принять обоснованное заключение о возможности гражданина принять на воспитание ребенка. И тот мониторинг, о котором я говорила, показал, что у нас уже 92 процента школ из опрошенных заявляют о готовности к проведению этого психологического обследования, и они его уже проводят.

Хочу отметить, что по поручению Президента мы также сейчас готовим предложения, которые будут регулировать механизм возврата федеральных единовременных пособий в бюджет в случае отмены опеки, усыновления, возвращения ребенка на полное государственное обеспечение. По данным, полученным Минобрнауки, по результатам проведенного мониторинга большинством субъектов возможность возврата в соответствующий бюджет суммы единовременного пособия поддерживается. При этом это не новая практика, регионы, которые уже предусмотрели свои единовременные выплаты при устройстве детей на воспитание в замещающие семьи, уже такой порядок установили. Вместе с тем установление возврата суммы единовременного пособия при отмене усыновления, опеки и попечительства и возвращении ребенка на полное государственное обеспечение требует широкого общественного обсуждения, и в этой связи мы также предлагаем вам принять участие в обсуждении данной инициативы.

В связи с изменениями Семейного кодекса, которые вступили в силу 1 января 2015 года, мы в 2015 году утвердили новый порядок формирования и ведения государственного банка данных, а приказ министерства № 101 определил перечень документов, которые свидетельствуют об обстоятельствах утраты родительского попечения.

Однако практика показывает, что органы опеки и попечительства до сих пор для постановки ребенка на учет в государственный банк данных применяют акт выявления беспризорного и безнадзорного несовершеннолетнего в случае доставления беспризорного и безнадзорного несовершеннолетнего для оказания медицинской помощи в лечебно-профилактическое учреждение, который заполняют работники подразделений по делам несовершеннолетних, либо акт обследования условий жизни несовершеннолетнего гражданина и его семьи в случае, если обследование осуществляется с целью выявления обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии родительского попечения. Мы регионы проверяем на данный момент и методически объясняем, что эти два документа не являются основанием считать ребенка оставшимся без попечения родителей.

Органами опеки пока не всегда учитывается, что при осуществлении родительских прав родители имеют право на оказание им содействия в предоставлении семье медицинской, психологической, педагогической, юридической, социальной помощи в порядке, установленном Федеральным законом № 442 "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации".

Принимая во внимание, что основной причиной утраты детьми родительского попечения и, соответственно, роста численности детей, оставшихся без попечения родителей, является

социальное сиротство, в качестве приоритетного направления органов опеки и попечительства по защите права ребенка на семью мы рассматриваем организацию профилактической работы с семьями и детьми, в первую очередь с семьями, находящимися в социально опасном положении, предполагающей в том числе: организацию на межведомственной основе в системе раннего выявления социального неблагополучия семей с детьми комплексной работы с ними для предотвращения распада семьи и возможного лишения родительских прав или ограничения в родительских правах при участии при этом органов социальной защиты населения, образования, здравоохранения, службы занятости, комиссий по делам несовершеннолетних, органов опеки с надлежащей координацией на муниципальном уровне работы всех служб по реабилитации семьи; обеспечение беспрепятственного доступа семей с детьми к необходимым социальным услугам; обеспечение повсеместного внедрения эффективных технологий реабилитации социального неблагополучия семей с детьми; внедрение системы профилактики отказов от детей при рождении и помещения их в медицинские учреждения; введение запрета на необоснованное изъятие детей из семей без предварительного проведения социальной реабилитационной работы; по возможности замену лишения родительских прав ограничением в родительских правах с организацией на этот период реабилитационной работы с семьями.

При этом хочу выразить огромную поддержку, Елена Борисовна, законопроекта, который вы направили недавно. Мы его обязательно очень внимательно изучим и все наши предложения отработаем вместе, чтобы они все были учтены, в том числе и наша имеющаяся практика. Спасибо большое.

Хочу отметить, что, по данным федерального статистического наблюдения № 103-РИК, количество организаций, предоставляющих медицинскую и психологическую помощь, у нас сегодня составляет уже порядка 2700, что практически в два раза больше, чем в 2014 году.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Ирина Игоревна, Вы долго еще?..

И.И. РОМАНОВА

Я уже заканчиваю.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

И.И. РОМАНОВА

Тот законопроект, о котором говорила Елена Борисовна, нами сегодня разработан, мы вносим изменения в федеральный закон № 120. Это подразумевается планом реализации

Национальной стратегии действий в интересах детей. До конца этого года мы его должны внести в установленном порядке в Правительство. Сегодня он на очередном витке согласования с федеральными органами исполнительной власти. К сожалению, на первом витке согласования те наши предложения, которые были (проходились по всему тексту законопроекта, в том числе затрагивая положения, касающиеся определения семей, находящихся в социально опасном положении), вызвали неоднозначную реакцию со стороны иных федеральных органов исполнительной власти. В настоящее время принято решение этот законопроект разделить на две части. Сегодня мы работаем над той его частью, которая касается деятельности и роли комиссий по делам несовершеннолетних, а также деятельности закрытых учебно-воспитательных общеобразовательных учреждений. Вместе с тем законопроект, который неоднократно размещался и для общественного обсуждения (напомню, что сейчас он уже находится на третьем круге согласования с федеральными органами исполнительной власти), также предусматривает вопрос создания единой модели взаимодействия всех субъектов системы профилактики при планировании и оказании помощи детям. Он предусматривает возможность в том числе принятия комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав мер воздействия как в отношении отдельных категорий детей, так и родителей, иных законных представителей несовершеннолетних в случае совершения ими в присутствии детей антиобщественных действий либо иных деяний, оказывающих отрицательное влияние на поведение несовершеннолетнего.

Внесение соответствующих изменений, по сути, не является нововведением в подходах к работе с семьями, нормы, закрепляющие виды решений профилактического характера, обеспечивают инкорпорацию положения 1967 года в законодательство Российской Федерации. Сохранение практики применения в отношении родителей мер воздействия, по мнению многих экспертов, представителей федеральных органов власти и лиц, непосредственно работающих с семьями, позволит дополнить перечень мероприятий, которые возможно проводить с родителями и иным близким окружением ребенка, направленных на обеспечение благополучия в семье.

Уважаемые коллеги! В завершение хочу еще раз поблагодарить вас за возможность принять участие в слушаниях и выразить уверенность в том, что наша дальнейшая совместная работа в заданном направлении позволит решить все поставленные задачи. Спасибо.
(Аплодисменты.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Ирина Игоревна.

Мы надеемся, что, когда у вас будет готов законопроект, мы тоже его обсудим. Хорошо?
Спасибо.

Семья Галина Владимировна, доктор юридических... социологических наук, наверное, да?

Г.В. СЕМЬЯ

Психологических. Все-таки не обижайте меня.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Доклад на тему "Результаты мониторинга практики повышения квалификации работников органов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан в Российской Федерации".

Пожалуйста, Галина Владимировна.

Г.В. СЕМЬЯ

Уважаемая Елена Борисовна, уважаемые участники парламентских слушаний! Я постараюсь очень быстро... Я хочу вам представить результаты мониторинга, который мы проводили по заказу министерства образования. Проводил Московский государственный психолого-педагогический университет. Они меня пригласили туда как эксперта. Уже перечислили нормативно-правовые основы деятельности органов опеки и попечительства. Хочу обратить внимание на то, что есть профессиональный стандарт, который как бы не положен для госслужащих, но он был сделан по личному указанию Президента. Разрабатывали его я и Алексей Иванович Головань, который присутствует в этом зале. Министерство образования сделало примерную программу повышения квалификации. И то, о чем говорила Ирина Игоревна, сейчас согласуется на основе вот этого профессионального стандарта, требований к профессиональным знаниям органов опеки и попечительства.

Я просто буду показывать слайды, читать не буду. Обратите внимание на основную цель деятельности органов опеки и попечительства – это то, что утверждено стандартом.

В стандарте есть обобщенные трудовые функции. Я хочу обратить внимание на некоторые вещи, которые входят в эти трудовые обобщенные функции. Есть обеспечение и защита права ребенка жить и воспитываться в семье, на общение с родителями и другими родственниками.

Я хочу обратить ваше внимание на то, что для специалистов органов опеки, нормально работающих, нет заинтересованности в увеличении числа тех, кого лишаем родительских прав или у кого отбираем. От этого не зависит ни их заработная плата – ничего, и от них требует стандарт абсолютно другого поведения. И хочу еще обратить внимание на то, что у нас теперь

помещение ребенка в организацию для детей-сирот является мерой временной, и поэтому нет теперь в Семейном кодексе такой строчки, которая была раньше, – что устройство ребенка, оставшегося без попечения родителей, – усыновление, опека и помещение в организацию для детей-сирот. Теперь последней нет, поэтому эти дети опять остаются головной болью органов опеки и попечительства по необходимости устройства их в семью.

И еще я хочу обратить внимание на то, что есть в обобщенных трудовых функциях, – это оказание содействия семьям, принявшим на воспитание в свою семью детей-сирот. И есть еще, самое главное, содействие оказанию помощи семьям, имеющим детей, находящимся в трудной жизненной ситуации (обратите внимание на содействие, я к нему еще вернусь).

Итак, сколько у нас специалистов органов опеки? Здесь представлены данные официальной государственной статистики: общая численность – чуть более 11 тысяч. Но обратите внимание (это первая тенденция, на которую хочу обратить ваше внимание): у нас сокращается численность специалистов, и вообще сейчас присутствует достаточно высокая текучка кадров, которая связана, на мой взгляд, с тремя вещами – с увеличением объема работы, с низким уровнем заработной платы и с психологической нагрузкой, потому что они всегда во всем виноваты: не отобрали – виноваты, отобрали – виноваты и так далее. И, посмотрите, впервые в РИKe появилось, что у нас есть территориальные органы, не имеющие специалистов по охране детства (три).

Теперь по мониторингу... Мы посмотрели, какие должности, и выяснили еще одну новую тенденцию. У нас стали появляться в органах опеки и попечительства специалисты, которые не являются ни государственными, ни муниципальными служащими (я дальше вам приведу пример).

Теперь давайте мы с вами посмотрим, какая у них нагрузка. Министерство образования еще в 2007 году рекомендовало одну штатную единицу специалиста на не более чем 2 тысячи детского населения в городе и 1,5 тысячи – в сельской местности. Посмотрите, ни в одном федеральном округе нет этой цифры, которая была бы равна этому, но все равно эти данные – это как средняя температура по палате. Мы видим, достаточно большая нагрузка, которая приходится на одного специалиста в год, – 5 тысяч детей на специалиста, с которыми он должен работать.

А теперь давайте посмотрим, что есть на самом деле в разных регионах. Посмотрите, есть регионы, в которых региональным законодательством не установлены нормы нагрузки, например, Хабаровский край, Тюменская и Псковская области. В Ростовской области одна штатная единица при численности несовершеннолетнего населения до 176 тысяч человек что в городе, что в селе. В Курганской области 918 человек несовершеннолетних и совершеннолетних на одного

специалиста. Обратите внимание, я не могу назвать это тенденцией, но это то, на что мы никогда не обращали внимания. У нас в ряде регионов нет разделения функциональных обязанностей на категории "несовершеннолетние" и "совершеннолетние" (граждане). Это Курганская область, это та же самая Тюменская область. Вы знаете, если посмотреть на то, что они должны знать, уметь по отношению к детям, и еще к этому добавляются совершеннолетние, я вообще не представляю, какой это должен быть универсальный специалист, чтобы он грамотно работал. Поэтому я считаю, что это факт, на который очень нужно обратить внимание.

Я говорила о том, что госслужащие... У нас в основном государственные и муниципальные служащие. Вот посмотрите, пример Астраханской области: в конце 2010 года у них была реорганизация органов опеки и попечительства, в результате которой данная функция в муниципальных образованиях возложена на государственное казенное учреждение – центр социальной поддержки населения. Это позволило увеличить численность сотрудников в 3,5 раза, и на самом деле у них были хорошие показатели по числу выявляемых детей, оставшихся без попечения родителей. И совсем недавно проводили курсы в Московской области. Они нам дали 80 человек, которые не являются служащими, но работают в органах опеки.

Теперь давайте посмотрим, кто помогает органам опеки. У нас есть понятие об уполномоченных организациях. Согласно постановлению Правительства 2009 года № 423 организации могут на конкурсной основе стать уполномоченными организациями органов опеки, выявлять несовершеннолетних, нуждающихся в установлении над ними опеки и попечительства. А это означает, что есть возможность привлечения квалифицированных специалистов (психологов, социальных педагогов и так далее) по подбору и подготовке граждан, которые собираются стать замещающими родителями. Но здесь наиболее интересным является последнее – количество организаций, предоставляющих медицинскую, психологическую, педагогическую, юридическую и социальную помощь, не относящуюся к социальным услугам.

Елена Борисовна говорила о социальном сопровождении. Пока она говорила, я прикинула... Посмотрите, при таком количестве служб, которые могут оказывать социальное сопровождение, по 2015 году у нас тогда приходится по три человека, ограниченных в родительских правах, на одну службу (с этим служба справиться может) и примерно по 15, если они уже были ограничены в родительских правах. Я просто взяла эти цифры для примера. Понятно, что работать нужно до ограничения, но в общей сложности это 18 человек на одну службу, которым нужно... На сегодняшний день, условно говоря, если бы решался вопрос о лишении родительских прав, это примерно по 18 человек на каждую службу, а службы уже

созданы, и благодаря Фонду поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Вот Гордеева Марина Владимировна... Они очень много над этим работают, они сделали прекрасные пилотные проекты, и сейчас уже, по-моему, больше 20 регионов перенимают этот опыт именно по модели социального сопровождения семей.

Теперь давайте посмотрим о повышении квалификации. Конечно, сегодня вопрос стоит о качестве работы органов опеки, все нарекания идут на них. Но от чего зависит качество? Во-первых, от четкой регламентации работы. Но пока мы все в зале не можем договориться, когда мы отбираем, когда мы не отбираем, по каким показателям, а органы опеки за нас всех, не согласующихся друг с другом, сейчас принимают эти решения. Во-вторых, конечно, от уровня профессиональной компетенции, то есть от того, насколько они готовы выполнять это обучение. К сожалению (я с 1995 года в этой системе), ни разу не было ни одного учебника, не готовили специалистов, которые могут потом готовить специалистов. Нет в регионах специалистов, которые могут сейчас квалифицированно готовить кадры органам опеки и попечительства.

Но, конечно, на фоне всего этого печального есть очень интересный региональный опыт. Мы запрашивали различные профессиональные конкурсы, потому что там как раз отрабатываются ценности работы. Очень хочу отметить Московскую область – пять номинаций только для специалистов органов опеки, лучший специалист по семейному устройству детей-сирот в том числе. Москва – городская премия "Крылья аиста". А вот в Омской области, хочу обратить Ваше внимание, Елена Борисовна (это Ваша любимая область), провели конкурс "Лучший специалист органа опеки и попечительства" в 2013 и 2014 годах, а в 2015 и 2016 годах – нет, потому что секвестрировали программу, по которой могли это делать.

Очень часто встречаются в мониторинге такие вещи: нет повышения квалификации, нет системной работы. Амурская область пишет, что у них нет ни одного учреждения, которое могло бы это делать.

Вот какие предложения дают органы опеки: обязательно для начинающих введение в специальность, закрепить в федеральном законодательстве требование обязательного повышения квалификации специалистов органов опеки с указанием сроков (есть один раз в три года, есть один раз в пять лет). Очень приветствуется регионами проведение дистанционных курсов, то, что уже делает несколько лет министерство образования, но нужен бóльший охват.

Я хочу вернуться к одному очень интересному слайду, я специально его пропустила, но хочу его показать. В свое время очень давно в Москве мы провели исследование, это еще было до того, как всё передали в систему соцзащиты.

Посмотрите, кто у нас работал в органах опеки? Не имели высшего образования очень много учителей-предметников, очень мало по юриспруденции... вообще какие-то цифры... И Москва взялась за повышение квалификации. Потрясающе! Они разделили всех специалистов органов опеки по стажу (вот то, что сейчас пишут регионы). Для начинающих они сделали отдельные курсы. Они регулярно выпускают сборник новых нормативных правовых актов, сложные случаи и трактовку и Верховного Суда, и свою собственную по решению случаев. Я считаю, что это очень хороший пример, который надо вообще изучить и рекомендовать органам опеки.

И самое последнее (это главная тенденция, которая сегодня наблюдается). Когда мы проводили анализ с Алексеем Ивановичем Голованем, выяснили следующее: у нас идет постоянное расширение компетенции специалистов органов опеки. Мы недавно были в Чите, проводили очередной семинар (мы говорили о замещающих семьях). Встала женщина и сказала: "Что вы от меня хотите? Я одна на весь наш небольшой город. Я не могу даже прийти в замещающую семью и составить акт. О какой вообще качественной работе можно здесь говорить?". Идет тенденция расширения компетенции специалистов органов опеки и попечительства. Увеличивается количество судебных дел, связанных с защитой имущественных прав.

Второе – это увеличение категорий дел с иностранным участием детей и взрослых. Мы присоединились и к Конвенции о защите детей от сексуальной эксплуатации, и к Конвенции о правах ребенка, и к Факультативному протоколу к ней, касающемуся торговли детьми, и так далее, не буду их перечислять. Там тоже большая доля работы падает на органы опеки.

Третье, на что я хочу обратить особое внимание, – значительное количество полномочий органов опеки и попечительства устанавливается законодательством субъектов Российской Федерации. В трудовых функциях (помните, я вам говорила?) – содействие семье в трудной жизненной ситуации. Многие регионы сегодня эту работу возложили на органы опеки, которые не имеют ни сотрудников, ни возможности это делать, и почему-то они опять стали во всем виноваты.

И, конечно, последнее (я, вообще, очень за это борюсь) – усиливается процесс необходимости учитывать мнение ребенка при решении вопросов, затрагивающих его интересы. Это у нас не в полном объеме реализуется. Это надо уметь делать грамотно и правильно, чему тоже надо учить органы опеки, а у нас и своих специалистов практически в этом нет. Все.

Спасибо. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Галина Владимировна. Галина Владимировна, а у Вас нет данных относительно объема работы, которую делают органы опеки и попечительства, сколько приходится на работу со взрослыми, совершеннолетними, а сколько – на работу собственно с детьми и с семьей?

Г.В. СЕМЬЯ

Вы знаете, нет, такого нет, но мы сейчас запросили и отдельно...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Если разделить, может быть, получится как раз?..

Г.В. СЕМЬЯ

Нет. Вот там точно не получится, если это разделить.

Мы запросили отдельно по несовершеннолетним и отдельно по совершеннолетним. По совершеннолетним приходят практически пустые таблицы из регионов, они не знают, что там писать. Из-за того что мы ввели этот стандарт для несовершеннолетних, началась активная работа. Стали просчитывать количество нагрузки, количество документов. У меня эти данные есть, но просто я не думала, что будет востребовано, как говорится, более детально, в чем заключается работа, по числу бумаг и по другим нагрузкам. Но что касается совершеннолетних, я вам говорю: пустые таблицы приходят из регионов, они не знают, что там писать.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Галина Владимировна, знаете, после того, что Вы сейчас доложили, сложилось впечатление, что мы сами себе, что называется, создаем головную боль. Сначала мы вводим массу всякого контроля за семьей, за детьми вместо помощи, потом это возлагаем на органы опеки. Сначала они контролируют, должны выявлять, приходят, потом – сироты, начинают работать с ними, потом они начинают работать с семьей, куда устроили ребенка-сироту.

А если вот так предположить: если работа с семьей (сколько мы с Вами говорили)...

Г.В. СЕМЬЯ

Правильно, правильно.

Е.Б. МИЗУЛИНА

...то тогда у нас сразу все раскручивается в обратную сторону.

Г.В. СЕМЬЯ

Нужны реформирование и четкое понимание этой системы.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Ну, вот с этого, видимо, всё... Это то, что... конечно да. Пока, в общем, понятно, что что-то не так срабатывает в нашем механизме. Надо разбираться.

Спасибо большое, Галина Владимировна.

Очень большая просьба направить презентацию письменно.

Г.В. СЕМЬЯ

Хорошо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Стенограмма у нас будет, и мы потом наверняка снова постараемся издать материал, чтобы накапливалось... Кто смог, тот, наверное, получил. У нас не всем... но материалы мы по прошлым парламентским слушаниям сделали и выложили.

Спасибо большое. И посмотрите проект рекомендаций, что там нужно дополнить, там есть про органы опеки. Посмотрите, пожалуйста, потому что здесь действительно темный лес, много всего надо...

Ильина Ольга Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета Тверского государственного университета, член Временной рабочей группы по совершенствованию семейного законодательства при Координационном совете при Президенте Российской Федерации по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей. Доклад на тему "Проблемы формального определения оценочных категорий при применении мер семейно-правовой ответственности родителей".

Ольга Юрьевна, пожалуйста. Как мы договорились, ладно? Максимально...

Приготовиться Русаковской.

О.Ю. ИЛЬИНА

Учитывая формат и режим нашего общения, я позволю себе тезисно... И прежде всего прошу поверить, что мы с Еленой Борисовной не договаривались о том, чтобы избрать в качестве первоисточника для цитирования сегодня выступление Президента Российской Федерации.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Так получилось.

О.Ю. ИЛЬИНА

Да. То есть Владимир Владимирович сказал о том, что семейное законодательство не должно содержать неопределенностей. И мой взгляд на оценочные категории, которые использует законодатель в нормах Семейного кодекса... вот как раз об этом позволю себе сказать тезисно и в ключе дискуссии о так называемой ювенальной юстиции.

Мне хотелось бы обратить внимание на статью 56 Семейного кодекса Российской Федерации. Прочитую ее часть: "...при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию, образованию ребенка либо при злоупотреблении родительскими правами, ребенок вправе самостоятельно обращаться за их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет в суд".

В связи с этим возникает вопрос: с каким иском может обратиться ребенок в суд? Какие меры ответственности могут быть применимы к родителям на основании такого его обращения? И прежде всего – основание. Законодатель говорит: при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями своих прав и обязанностей по его воспитанию и содержанию. Может быть, вы со мной не согласитесь, но моя позиция в этом случае однозначна: ребенок, как объект воспитательного воздействия со стороны родителей, самостоятельно не может оценивать с точки зрения правовых последствий, надлежащим образом либо ненадлежащим образом воспитывают его родители. Естественно, он может заявить о факте насилия, он может заявить о факте нарушения его прав с точки зрения образования либо содержания, но, на мой взгляд, ребенок может обратиться (и такие процессуальные возможности существуют) в органы опеки и попечительства, в прокуратуру. Именно эти органы уже будут квалифицировать поведение родителей как надлежащее либо ненадлежащее с перспективой последующего применения мер семейно-правовой ответственности, именно суд будет решать вопрос: либо это ограничение в родительских правах, либо это лишение родительских прав и так далее.

Что есть ненадлежащее осуществление, выполнение обязанностей и прав? Причем законодатель использует эту конструкцию – "ненадлежащее выполнение обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка" – применительно и к фактическим воспитателям, и к отчиму, и к мачехе в последующих статьях Семейного кодекса, где речь идет об алиментных обязательствах, то есть в перспективе тоже эта проблема может возникнуть.

Некоторые ученые высказывают мнение: а можно ли в данном случае говорить об аналогии с институтом гражданского законодательства: ненадлежащее исполнение обязательства, ненадлежащий субъект, ненадлежащий способ, ненадлежащий предмет, сроки и так далее? Ну, с определенным лирическим акцентом, может быть, это и возможно.

Мне хотелось бы обратить ваше внимание на историю отечественного семейного законодательства. Позволю себе называть только кодекс и год.

Кодекс 1918 года, статья 153: основанием ответственности родителей является неправомерное осуществление родительских прав. Акцент чувствуем, да?

Кодекс 1927 года, статья 33: при неправомерном осуществлении родительских прав суду предоставляется право лишать родителей родительских прав.

Статья 46 в этом же кодексе: в случае невыполнения родителями своих обязанностей или неправомерного осуществления ими своих прав и обязанностей по отношению к детям возможно отобрание ребенка. То есть, может быть, вот как раз при определении формата этой оценочной категории – "ненадлежащее выполнение родителями родительских прав и обязанностей" – все-таки соотносить ее содержание с правомерным либо неправомерным поведением родителей, когда речь идет о нарушении конкретных норм действующего законодательства.

И поскольку к родителям могут быть применимы меры не только семейно-правовой ответственности, но за соответствующее аналогичное поведение нормы административной и уголовной ответственности, обращаю ваше внимание на непоследовательность законодателей и в этом. Статья 5.35 КоАП, в названии указывается: неисполнение обязанностей родителей по воспитанию и содержанию. А при определении признаков состава соответствующего административного правонарушения либо в статье 156 Уголовного кодекса преступления указывается: неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями своих прав и обязанностей. Что имел в виду законодатель? Либо это синонимы, либо это через запятую можно сказать, либо что-то одно, либо что-то другое? Но при этом признаки ненадлежащего выполнения родителями своих прав и обязанностей по отношению к ребенку не раскрываются.

Поэтому какой выход здесь видится? Если речь идет о деятельности органов опеки и попечительства, то по аналогии (подчеркиваю, по аналогии) можно обратиться к тем критериям, которые учитываются при проведении обследования условий жизни несовершеннолетнего и составлении соответствующего акта. Раз, два, три, четыре, пять – учитываем, и в совокупности это может быть оценено как ненадлежащее выполнение обязанностей по содержанию ребенка, по его воспитанию.

Если мы говорим о решении этого вопроса в судебном порядке, когда суд рассматривает дело, Пленум Верховного Суда и Президиум Верховного Суда в обзоре судебной практики обозначают некие критерии, которые могут учитываться и в совокупности также позволяют нам оценивать поведение родителей как надлежащее либо ненадлежащее. Но это вопрос времени. Я думаю, проблема достаточно существенна, на нее следует обратить внимание.

Но вернусь к тому, с чего начала. Нужно исключить право ребенка самостоятельно обращаться в суд вот с таким иском – с иском, в котором он просит защиту, квалифицируя

поведение своих же родителей как ненадлежащее выполнение ими своих прав и обязанностей по его воспитанию и содержанию. Спасибо. (*Аплодисменты.*)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Уже в рекомендации вписала.

Спасибо. Ольга Юрьевна, это действительно нонсенс.

Я в рекомендации вписала, с тем чтобы мы пункт 2 статьи 56 в части, касающейся права ребенка обратиться с иском в отношении родителей при ненадлежащем выполнении родителями своих обязанностей... чтобы мы еще раз посмотрели на это положение и обсудили его с точки зрения и целесообразности, и соответствия традициям российской семейной культуры, да и вообще просто даже взаимоотношений родителей и детей. Конечно, это, скорее, против работает и даже самого ребенка.

Русаковская Ольга Алексеевна, кандидат медицинских наук, младший научный сотрудник отдела судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе федерального государственного учреждения "Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии имени В.П. Сербского". Доклад на тему "Судебно-психиатрическая экспертиза по искам об ограничении и отмене ограничения родительских прав".

Мы специально сегодня пригласили Ольгу Алексеевну. Насколько мы знаем, вы провели какое-то исследование в институте Сербского, у вас есть данные. Очень интересно, поделитесь, пожалуйста, с нами. Спасибо. Только просьба тоже все-таки за 10 минут не выходить.

О.А. РУСАКОВСКАЯ

Уважаемая Елена Борисовна, уважаемые участники парламентских слушаний! Я старший научный сотрудник отдела судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да? Извините, пожалуйста.

О.А. РУСАКОВСКАЯ

И мы на протяжении долгих лет...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Это важно, я знаю.

О.А. РУСАКОВСКАЯ

На протяжении не очень долгих лет мы занимаемся разработкой методологических принципов проведения судебно-психиатрической экспертизы по судебным спорам о порядке воспитания детей, спорам об определении места жительства ребенка при раздельном проживании

родителей и спорам об ограничении родительских прав. У нас нет никаких предложений к Семейному кодексу. Целью своего сообщения я вижу просто показать, как это происходит у нас и какими основаниями при проведении этой экспертизы мы пользуемся.

Результаты зарубежных исследований и опыт лечебно-консультативной работы врача-психиатра показывают, что подавляющее большинство родителей, страдающих психическими расстройствами, вполне успешно справляются с воспитанием своих детей.

Согласно зарубежным данным (это Норвегия и США) рождаемость среди родителей, страдающих психическими расстройствами, в настоящее время приближается к таковой среди родителей, не страдающих психическими расстройствами.

Согласно Семейному кодексу одним из оснований для ограничения родительских прав родителей является наличие психического расстройства, вследствие которого он представляет опасность для ребенка. И как установление диагноза психического расстройства, уточнение этого диагноза, формы, характера течения заболевания, так и установление отсутствия такой опасности или ее наличия в связи с психическим расстройством относятся к компетенции судебно-психиатрической экспертизы.

За последние четыре года... Синим показаны споры об определении места жительства детей при разводах родителей, зеленым – споры об ограничении, отмене ограничения родительских прав. Учитывая, что в году 52 недели и амбулаторные экспертизы у нас проводятся один раз в неделю, вы видите, что экспертиз по семейным спорам достаточно много. В то же время по ограничению родительских прав они, скорее, единичные, если мы берем год.

Как указывает Нечаева и то, на что мы стараемся ориентироваться при проведении таких экспертиз, в семейно-правовом контексте опасность – это нечто грозящее бедой, катастрофой, большим злом, несчастьем для ребенка, губительным для его здоровья, развития и воспитания. Говоря о лишении родительских прав, она указывает, что могут быть некоторые недостатки родительства, которые не ведут к угрозе жизни, и тогда они могут учитываться в правовом контексте при решении вопроса об определении места жительства ребенка, но не являться основанием для лишения родительских прав.

В судебно-психиатрической практике мы считаем (и руководствуемся такой постановкой вопроса), что опасность психически больного родителя для ребенка может проявляться в трех формах. Во-первых, это опасность совершения общественно опасного деяния, это опасность агрессивных действий. Как правило, она связана в большинстве случаев с острой психотической симптоматикой – это галлюцинаторные и бредовые переживания. И, действительно, в этом случае

родители представляют опасность, о чем свидетельствует наша экспертная практика по уголовным делам, связанным с детоубийством в частности.

Вторая форма опасности – это риск оставления ребенка без надлежащего надзора. Как правило, это совершенно другая категория больных – это умственная отсталость и это негативные личностные изменения при целом ряде психических расстройств.

Есть третья группа, которую мы тоже оцениваем как опасность, она единичная, – когда родитель не может удовлетворить жизненно необходимые потребности ребенка. Здесь я могу оперировать только клиническими случаями. У нас была экспертиза: родители, находящиеся в ремиссии по шизофрении, которые успешно воспитывали младшего ребенка, пытались восстановить родительские права, ограниченные в отношении ребенка, страдающего тяжелой декомпенсированной формой сахарного диабета. У них не было критики к состоянию мальчика и не было необходимых знаний о том, что этому ребенку нужно. Поэтому мы дали заключение об опасности, которое было подтверждено судом апелляционной инстанции.

Я не буду останавливаться на экспертной практике по уголовным делам. В целом я хочу сказать, что психически больные женщины убийства детей совершают значительно реже, чем убийства своих супругов. Это во-первых. И во-вторых, за пять лет в нашем женском судебно-психиатрическом стационарном отделении из 33 женщин, которые проходили у нас экспертизу после того, как они убили своих детей, только в отношении 15 было дано заключение о том, что они страдают таким психическим расстройством, которое определяет их невменяемость.

Вы знаете, мы не стали анализировать экспертные заключения в отношении только тех лиц, которые проходили у нас экспертизу по искам об ограничении родительских прав, половина из них были здоровыми. Это в рамках семейных споров, которые проходили.

Мы проанализировали 51 заключение в отношении родителей, страдающих психическими расстройствами, то есть которым был установлен диагноз психического расстройства на экспертизе. Это сплошное исследование с 2006 года по настоящий момент.

Посмотрите, пожалуйста, из родителей, у которых было выявлено заболевание шизофренического спектра (их было 36 человек), опасность для ребенка представляли 11 человек. Учитывая, что до экспертизы у нас доходят только самые крайние случаи, то, в общем, мы бережно относимся к сохранению семьи.

В отношении 10 человек мы давали заключения о том, что опасности не представляют, но могут... Здесь мы очень страдаем от отсутствия точных формулировок, потому что мы пишем: "оказывает негативное влияние", "может оказать негативное влияние". При этом мы имеем в виду

только одно – мы установили у ребенка такое психическое расстройство, обычно пограничного уровня, которое выявлено непосредственно психопатологическими особенностями данного родителя. Мы очень осторожны в этом вопросе.

И третья группа (15 человек) – это когда родитель, страдающий психическим расстройством, не представляет опасности и не оказывает негативного влияния.

Вторая таблица. Это родители, страдающие другими заболеваниями, в частности, умственной отсталостью, расстройством личности различной этиологии и так далее. В двух случаях была выявлена опасность, в девяти случаях – вред психическому здоровью ребенка.

С какими проблемами мы сталкиваемся? На мой взгляд, очень серьезной проблемой является стигматизация, причем стигматизация, существующая, в общем, на всех уровнях, начиная от органов опеки и попечительства, которые считают, что если у человека есть диагноз "шизофрения", то значит его иногда... Комментарий к Семейному кодексу 2011 года... То есть в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами, вопросы не очень ясны.

С какой проблемой мы сталкиваемся, которая, может быть, будет решена через социальное сопровождение на основании судебного решения? Мы мечтаем о том, что когда-нибудь будет медицинское сопровождение на основании судебного решения, которое противоречит действующему законодательству и Закону Российской Федерации "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании". Но на свой страх и риск мы иногда даем заключение, которое носит условный характер, когда мы говорим о том, что родитель сейчас опасности не представляет, он находится в ремиссии достаточно хорошего качества. Однако риск опасности для ребенка мы можем оценить как низкий только при условии продолжения наблюдения и лечения у врача-психиатра или в случае, например, больных с умственной отсталостью – при условии пролонгированного медико-психолого-педагогического сопровождения. Спасибо за внимание. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо. Ольга Алексеевна, Вы про медицинское сопровождение родителей?..

О.А. РУСАКОВСКАЯ

Да, которое противоречит... Мы знаем.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо большое.

Я представляю слово Кликушину Александру Анатольевичу, кандидату юридических наук, судье Верховного Суда Российской Федерации, председателю судебного состава по

семейным делам и делам о защите прав детей Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

Приготовиться Ковитиди Ольге Федоровне.

Обращаю внимание, что у нас началась дискуссия, поэтому, выступающие, постарайтесь выступать не более пяти минут. Спасибо.

Пожалуйста, Александр Анатольевич.

А.А. КЛИКУШИН

Уважаемая Елена Борисовна, уважаемые участники парламентских слушаний! Наша сегодняшняя встреча проходит в рамках обсуждения основных направлений совершенствования семейного законодательства. Верховный Суд Российской Федерации всегда обращал особое внимание на вопросы, связанные с воспитанием детей.

В настоящее время Верховный Суд Российской Федерации готовит проекты постановлений Пленума о применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей, и о применении Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел о взыскании алиментов.

Теперь к предлагаемому законопроекту. Представляется совершенно обоснованным и правильным, что в предлагаемом законопроекте четко структурированы меры семейно-правовой ответственности и добавлен новый институт, которого раньше не было в семейно-правовой ответственности, – это предупреждение. Замечу, что в действующем семейном законодательстве такого института, как предупреждение, не было. Фактически указанный институт был, и впервые он появился в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 года № 10 "О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей". И именно в пункте 13 этого постановления впервые было указано и разъяснено, что лишение родительских прав является крайней мерой семейно-правовой ответственности и что в исключительных случаях суд с учетом характера поведения личности и других обстоятельств вправе отказать в иске о лишении родительских прав и предупредить ответчика о необходимости изменения своего отношения к воспитанию детей с возложением на органы опеки и попечительства контроля за исполнением обязанностей родителей (в принципе то, что и предлагается в сегодняшнем законопроекте).

И практика применения (практически 20 лет постановлению Пленума Верховного Суда), судебная практика показала, что эти разъяснения успешно применяются судами. Поэтому мы принципиально поддерживаем этот законопроект. И, действительно, меры семейно-правовой

ответственности должны быть закреплены в законе, а не в разъяснениях по его применению. Сегодня действующий Семейный кодекс фактически предусматривает только одну меру семейно-правовой ответственности – это лишение родительских прав. Такая мера семейно-правовой ответственности, как ограничение родительских прав, фактически не действует. И я приведу статистику: если в 2016 году за полугодие было рассмотрено 23 799 дел о лишении родительских прав, из них 20 567 исков было удовлетворено (это 86 процентов), то исков об ограничении родительских прав было рассмотрено 568, из них менее 500 (487) было удовлетворено, то есть фактически неработающая мера.

В предлагаемом же законопроекте (все-таки правильно мне представляется) предлагается, что до того, как лишить человека родительских прав и заявить такой иск, должна быть процедура ограничения его в родительских правах.

И последнее. Хотел обратить внимание разработчиков законопроекта на статью 77 проекта – это отобрание ребенка при непосредственной угрозе его жизни и здоровью. Статья-то хорошая, но процедура, порядок, форма применения этой статьи, стороны этого судебного разбирательства совершенно никак не регламентированы, поэтому хотелось бы обратить внимание разработчиков на то, что это, наверное, все-таки нужно прописать. Спасибо. Всё. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо большое, Александр Анатольевич. Мы очень надеемся, что, когда у вас будут готовы для обсуждения проекты постановлений о взыскании алиментов и об установлении происхождения, мы сможем в нашей рабочей группе и временной комиссии их обсудить. Я думаю, что это будет полезно, потому что специалисты собраны. Спасибо большое.

Слово предоставляется Ковитиди Ольге Федоровне, члену Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности.

Приготовиться протоиерею Димитрию.

О.Ф. КОВИТИДИ

Здравствуйтесь, уважаемые коллеги! Я чрезвычайно рада тому, что все мы сегодня собрались. И Елене Борисовне Мизулиной персональная благодарность за то, что ведется такая огромная работа и этой проблеме, во имя которой мы сегодня собрались, придан такой высокий статус – парламентских слушаний.

Мне написали огромный доклад, я его зачитывать не буду, я уверена, что каждый из вас владеет этим вопросом, я лишь выскажу свою точку зрения достаточно кратко. Совершенно

очевидно, что лишение родительских прав должно быть крайней мерой и применяться она должна в исключительных случаях. Мы должны понимать, что основа любых взаимоотношений – это семья, семья, в которой растут нормальные, хорошие, здоровые дети, которые видят нормальные межчеловеческие, общественные добрые, хорошие и теплые отношения, это чрезвычайно важно.

И еще один момент, о котором, я думаю, вы сегодня будете говорить, – момент соизмеримости всех тех ограничений, которые могут применяться. Мы с вами должны понимать, что каждая семья индивидуальна и в каждой семье есть свои традиции. А что касается применения насилия, то, я думаю, мы должны тоже понимать, что необходимо разделять насилие, которое применяется в семье к несовершеннолетнему, ребенку, и насилие, которое может применяться в семье относительно членов семьи, это тоже чрезвычайно важно.

В 2006 году Организация Объединенных Наций опубликовала первый доклад о физическом, сексуальном и психологическом насилии над детьми. Это исследование показало, что насилие существует во всех странах мира, и поэтому говорить о том, что оно есть только в России, мы с вами, конечно, не можем. Оно присуще различным социальным группам (анализ Организацией Объединенных Наций тоже был проделан), и оно не зависит ни от уровня доходов, ни от этнического происхождения, оно может приобретать различные формы и часто осуществляется с одобрения закона, государства и общества. Поэтому в данном случае мы с вами должны понимать разделение институтов – общественных институтов и институтов власти.

И следующий момент, на который я хотела бы обратить ваше внимание, – о разграничении понятий психологического насилия, физического насилия, чтобы можно было сегодня определить и последующую соразмерность наказания.

Нужна ли дискуссия по этому вопросу? Несомненно, она нужна. Нужно ли привлекать к этому общественные организации? Кого, как не их, мы должны привлекать, потому что именно они знают ситуацию изнутри. И именно поэтому хотелось бы уделить особое внимание профилактике насилия в семье. Я думаю, что этот вопрос является для нас тоже чрезвычайно важным.

Существует проблема интеграции государственных и общественных ресурсов оказания помощи пострадавшим, доступности данных ресурсов для граждан нашей страны. И поскольку проблеме насилия в семье уделяется пристальное внимание, я думаю, что необходимо обеспечить объединение всех возможных ресурсов, чтобы оказать помощь пострадавшим от насилия в семье и чтобы эта помощь являлась адресной, а информация о способах защиты была бы легкодоступной.

Исходя из основных принципов государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2020 года, которые предусматривают проведение информационных кампаний о ресурсах, возможностях и доступных услугах пострадавшим от насилия, я выношу на ваше обсуждение предложение о создании межведомственной рабочей группы, которая выработала бы предложения о формах и способах сотрудничества государства и общества в сфере профилактики семейно-бытового насилия, о необходимых условиях для предотвращения и снижения количества случаев бытового насилия. Я благодарна всем вам. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Ольга Федоровна.

Слово предоставляется протоиерею Димитрию, председателю Патриаршей комиссии по вопросам семьи, материнства и детства.

Приготовиться Чернышову Борису Александровичу, заместителю председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке.

Пожалуйста.

Протоиерей ДИМИТРИЙ

Уважаемые Елена Борисовна и все высокое собрание! Тема сегодняшних слушаний крайне важна. Семья и связанные с ней ценности всегда занимали и по-прежнему занимают исключительное место в жизни нашего народа. И сегодня будущее России и само ее выживание напрямую зависят от того, как мы относимся к семье и к семейным ценностям, защищены ли семья и права родителей, как мы относимся к рождению и воспитанию детей, к многодетности.

К сожалению, несмотря на положительные изменения последних лет (и доклад Елены Борисовны об этом свидетельствует – о постоянном изменении к лучшему), в этой сфере у нас остается много острых проблем. До сих пор не сделаны многие шаги, жизненно необходимые для возрождения и сохранения семьи в России. При этом часто продвигаются и принимаются законодательные нормы и решения, которые могут принести семье, а значит, и всему нашему народу и государству один лишь вред. И некоторые, я даже не знаю, граждане, скажем так, хотят идти в створе Совета Европы, который снял все маски и видит это совершенно недружественно к России и русским организациям. А надо идти, скорее всего, от противоположного, очень скрупулезно, в лупу смотреть, что там предлагается.

Ясно, что задача поддержки семьи, защиты ее должна решаться сообща государством и обществом, существенную часть которого представляет Русская православная церковь, неизменно уделяющая этой теме большое внимание.

В марте этого года патриаршей комиссией было принято, одобрено Святейшим Патриархом и опубликовано обращение к общественным организациям, политическим деятелям, посвященное наиболее важным, самым неотложным проблемам в области заботы о семье и совершенствования семейного законодательства. В нем четко обозначена церковная позиция в отношении многих актуальных сегодня для законодателей вопросов.

Простите, но я настоятельно приглашаю всех, кого волнует будущее российской семьи, хотя бы ознакомиться с этим обращением и использовать его в своей работе.

Кратко остановлюсь на самом важном. Мы убеждены, что сегодня семья защищена недостаточно. Под угрозой оказываются часто наиболее важные связанные с ней ценности. Необходимо срочно и существенно улучшить защиту семьи и прав родителей, поставив во главу угла принципы презумпции добросовестности родителей в осуществлении их прав, а также презумпции соответствия решений и действий родителей интересам детей.

Права и интересы родителей и детей недопустимо противопоставлять. Нельзя рассматривать семью как угрозу для ребенка. Отец и мать должны иметь возможность свободно, не опасаясь необоснованных вторжений в свою жизнь, воспитывать детей в соответствии со своими нравственными убеждениями. Государство вправе вмешиваться во внутреннюю жизнь семьи лишь в самых крайних случаях, когда ребенку угрожает реальная, крайне серьезная, а главное – доказанная опасность.

Семья должна быть полностью ограждена от любого произвола и необоснованного вмешательства, особенно когда речь идет о возможности отобрания детей. Незаконное и необоснованное вмешательство в семью, а также сообщение заведомо недостоверной информации о семье, которая может к нему привести, должны влечь за собой неотвратимую и серьезную ответственность, вплоть до уголовного преследования.

Не могу не отметить и то, что часто для защиты нарушаемых прав семьи и родителей предлагают, увы, непродуманные и рискованные решения. Именно таким решением является широко обсуждаемое в последнее время предложение заменить решение органа опеки в случае отобрания детей у родителей быстрым решением суда, передать саму эту функцию полиции. На практике это, увы, лишь сделает защиту прав семьи еще сложнее, поскольку решение суда будет труднее оспорить, чем решение органа опеки, а вмешательство полицейских будет еще травматичнее для семьи и детей.

Огромную тревогу вызывают частые в последнее время попытки представить семью в виде источника угрозы и насилия в отношении женщин и детей. Их цель – добиться принятия

специальных законов о так называемом домашнем (или семейном) насилии. За этим стоят радикальная антисемейная идеология и опасная ложь. Ведь на самом деле семья, основанная на браке, статистически является самым безопасным окружением для женщин и детей. Просто у нас в семью записывается любое соединение людей, даже не состоящих ни в родстве, ни в каком-то юридическом оформлении и так далее. Вот там выявляются очень сильные "инфекции". Как известно, у нас в стране замужних женщин гораздо больше, чем женатых мужчин. И все это у нас называется семьей, и там происходят порой всякие вещи, которые нельзя назвать семейным насилием, это антисемейное насилие.

Брак и семья – не угроза, а фактор предотвращения преступлений. Навязываемые обществу законы о семейном насилии – это просто калька того, что происходит в Северной Европе, в Германии и так далее. Реальность направлена не против насилия, а против семьи как таковой, что и происходит в Германии. Я сейчас занимаюсь делом одной немки, которая убежала из Германии, у нее отняли ребенка и угрожают вообще тюрьмой, потому что она против того, что отобрали ребенка. Она хочет жить в России, помогаем ей получить российское гражданство, потому что, как она говорит, находясь в этой фашистской стране, ей угрожает опасность. Она хочет жить в России, это единственное, говорит, осталось место на земле... Вот надо это нам тоже очень хорошо понимать. Они создают возможность для произвольного вмешательства в жизнь граждан, противоречат здравым правовым принципам, открывая дорогу для широкой антисемейной пропаганды, губительной для общественного сознания. Мы убеждены, что подобные законопроекты необходимо отвергнуть. А тех людей, которые их продвигают, нужно хорошо запомнить, и то, что от них исходит... Нужно понимать, кем и чем они ангажированы, и относиться с особым вниманием к их деятельности, особенно законотворческой.

То же самое относится и к другим решениям, основанным на принципах феминизма и других радикальных и опасных для общества идеологиях. Недавно начали говорить о подготовке национальной стратегии в интересах женщин. Увы, многие обсуждаемые в связи с нею положения явно исходят из принципов, основанных не на уважении к семье и традиционным семейным ценностям, а на антисемейных воззрениях. Напомню, что бог не просто сотворил мужчину и женщину, а он их сотворил именно как семью. Поэтому всякое разделение и отделение мужчин от женщин просто ведет к "расчеловечиванию" человека.

Снова и снова муслируется идеологема семейного насилия. Вместо поддержки материнства предлагается ориентировать женщин на карьеру, стремление к политическому успеху как на главные жизненные цели. При этом сегодня не поддерживается самый важный и

лучший с точки зрения интересов семьи, общества, государства выбор – выбор матери, остающейся дома и занимающейся домашним очагом и воспитанием детей. Но ведь можно смело сказать, что именно эти матери делают больше всего для будущего нашей страны. Любое уважающее себя государство будет прежде всего поддерживать именно такое решение женщины.

Ужасно выглядит недавно озвученное на высоком уровне предложение сделать медицинскую помощь для неработающих граждан платной. Не попадут ли сюда многодетные матери?

Е.Б. МИЗУЛИНА

Отец Димитрий, время, к сожалению...

Протоиерей ДИМИТРИЙ

Простите, еще один абзац.

И, наконец, до сих пор не защищаем самое уязвимое и важное – жизнь ребенка. Наши законы не только позволяют свободно совершать убийства детей до их рождения, в самом начале жизни, разрешая свободно убивать наше будущее, но и предусматривают финансирование уничтожения детей деньгами налогоплательщиков. К нашему стыду, сохранение этой безнравственной, страшной ситуации отстаивают неубедительными, а зачастую просто далекими от правды аргументами. Это необходимо исправить как можно скорее, прекратив, наконец, финансирование аборт за счет программ обязательного медицинского страхования. Спасибо вам за ваше внимание. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо большое.

Слово предоставляется Чернышову Борису Александровичу, заместителю председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке. Выступление на тему "Защита прав русских детей за рубежом".

Приготовиться Мамиконян Марии Рачиевне.

Б.А. ЧЕРНЫШОВ

Уважаемые коллеги, уважаемая Елена Борисовна! Огромное спасибо вам за такие интересные слушания. Мое личное мнение состоит в том, что больше времени на таких мероприятиях нужно уделять экспертам, поэтому я буду весьма краток, немножко даже отойду от заявленной темы и прокомментирую некоторые моменты.

Обязательно материалы данных парламентских слушаний мы обсудим у нас во фракции – во фракции ЛДПР. И прежде всего отраднo видеть, что законодатель активно старается и

продвигает идею предварительной работы с родителями перед отниманием детей, это самое важное.

И те процессуальные моменты, которые прописаны, о которых Вы, Елена Борисовна, говорили, которые сводятся к предупреждению, к большому предварительному делу, предварительной работе с родителями, – это очень важно. И мы поддерживаем прежде всего эти пункты во фракции ЛДПР, потому что об этом говорили и Владимир Вольфович Жириновский, и наши депутаты.

Однобокость норм, которая присутствует в существующем законодательстве, вызывает абсолютное отторжение и непонимание, потому что сохранить семью – это самое важное, что сейчас есть. Мы видим, какие проблемы сейчас есть на Западе: и проблемы с усыновлением, когда, по сути, и наших ребят, которые были усыновлены еще тогда, до принятия определенного пакета законов, и сейчас детей, которые приезжают из-за границы, особенно в Соединенных Штатах Америки, активно эксплуатируют, во многом есть и элементы насилия при воспитании. Поэтому мы не можем согласиться с такими нормами и считаем определенное принятие законов, которое последовало в Государственной Думе шестого созыва, абсолютно правильным.

Данный вопрос очень оспаривают некоторые наши товарищи – представители "пятой колонны", и во время долгих обсуждений, в том числе и со студенческим сообществом, выяснилось, что некоторые люди не понимают тех последствий по спасению наших детей, которые были проведены в Государственной Думе шестого созыва при принятии данных законов. Поэтому это очень важно.

И еще пара очень важных моментов, которые обозначили как Вы, так и эксперты, выступавшие передо мной. Особенно важно то, что было сказано Галиной Владимировной, мне кажется, потому что...

Г.В. СЕМЬЯ

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

Б.А. ЧЕРНЫШОВ

Я знаю, я вижу Вас, поэтому о Вас и говорю. Вы сказали очень важную вещь: участие и обсуждение вместе с детьми, слышать их мнение – это самое важное, что сейчас есть. И то, что Вы добиваетесь, – это правильно.

И самый важный момент... Я участвовал в региональной неделе... На самом деле это первые мои слушания, поэтому я очень волнуюсь, иногда путаюсь в словах. Я приехал из Воронежской области. Мы обсуждали в системе образования самый важный момент – то, что

федеральный центр зачастую не слушает и не слышит инициативы с мест, тот опыт, который есть в школах, тот опыт, который есть в социальных учреждениях. Та "палочная система", которая до сих пор сохраняется среди чиновников, зачастую мешает услышать те позитивные моменты и проблемы, которые остаются. Поэтому я убежден, что в Государственной Думе, в наших фракциях мы поработаем над тем, чтобы те предложения, которые здесь были озвучены, обязательно были приняты.

И я уверен, что тот неоценимый вклад, который вы своими слушаниями и своей деятельностью вносите, Елена Борисовна, будет обязательно иметь позитивные плоды. Спасибо.

(Аплодисменты.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо большое, Борис Александрович. И спасибо за то, что Вы регламент соблюдаете.

Я предоставляю слово Мамиконян Марии Рачиевне, председателю Общероссийской общественной организации защиты семьи "Родительское всероссийское сопротивление". Выступление на тему "Опасность мнимая и опасность подлинная по вопросу срочного отображения детей".

Пожалуйста, Мария Рачиевна.

Приготовиться Рабец Анне Максимовне.

М.Р. МАМИКОНЯН

Добрый день всем! Большое спасибо Елене Борисовне за очень содержательный, очень верный по постановке проблемы первый доклад. Но я хотела бы сразу оговорить одну вещь.

Елена Борисовна, Вы по какому-то недоразумению там допустили ошибку, о которой я должна сказать.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Скажите.

М.Р. МАМИКОНЯН

Вы сказали, что в 2012 году протесты против ювенальной юстиции были организованы Родительским всероссийским сопротивлением. Это не совсем так, и даже, я бы сказала, весьма не так. Протесты лета-осени 2012 года были коллективным действием многих родительских организаций. Инициатором были наши коллеги из АРКС, а также православная церковь. Мы тогда еще не были структурированы как родительская организация, мы присоединились как некое общественное движение. И только 9 февраля 2013 года мы провели учредительный съезд (он же

съезд родителей), где опять же присутствовали другие родительские организации и был создан некий союз родительских организаций. Это очень важно, потому что...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Очень важно, правда.

М.Р. МАМИКОНЯН

...действительно проблема с попытками ввести у нас в стране ювенальную юстицию касается всех совершенно независимо от вероисповедания – светская организация, церковь, мусульмане или что-то еще. Именно это и было явлено в 2012 году, когда народ активно выступил против внедрения ювенальной юстиции, и тогда были остановлены те два закона. Тогда пришел Путин и сказал, что ювенальной юстиции в России не будет. А мы тогда ему на это ответили, что гражданское общество будет за этим следить – за тем, чтобы так все и было.

Так вот, наше гражданское родительское сообщество утверждает, что за прошедшие два года было такое тихой сапой, скажем так, тихое введение ювенальных технологий, которые подготовили почву для уже внедрения, установки ювенальных законов. И первый, действительно первый фактически ювенальный закон, – это тот абсурдный закон, который был принят, который сейчас называют запретом воспитания, законом о шлепках и так далее.

Должна вам сказать: я собиралась говорить здесь о другом – об опасности мнимой и подлинной, то есть о тех статьях, которые предлагалось обсуждать, об отъеме детей, отбирании и о лишении родительских прав родителей.

Но сейчас, поскольку уже стали говорить о статье 116, я должна сказать, что нашей организацией за прошедшее с лета время было проведено огромное количество массовых и одиночных акций. Самих этих акций с момента принятия Госдумой закона прошло порядка 600 по всем регионам. Порядка 600! Вот такой протест родителей в России. За последние выходные прошло около 60 митингов и массовых пикетов в разных городах. Вот такой протест родителей России.

Поэтому "закон о шлепках" не будет принят страной, это мы можем сказать совершенно точно. Наши активисты выходят на площади, подписывают... Вот сейчас мы сдали Президенту 172 тысячи подписей (без 20 штук).

Е.Б. МИЗУЛИНА

С паспортными данными?

М.Р. МАМИКОНЯН

Да-да, это живые подписи с адресами, на бумаге, это не электронные подписи, которые, в общем-то, не составляет труда не только подделать, но и просто поставить. Вот нажал и все – это просто, а когда люди выходят собирать подписи и когда люди подходят к этим пикетам, понимают, в чем дело, изучают материалы и так далее и ставят свою подпись с адресом – это совсем другая история.

Так вот, таких подписей было отдано 172 тысячи. На сегодняшний день их уже около 200. Сбор подписей по стране продолжается, люди не хотят, чтобы ювенальные законы были введены. И, вы знаете, если такой негативный отклик страны не будет услышан и не будут приняты меры, то это может обернуться крайне негативно для общественного спокойствия, для какого-то более-менее мирного развития ситуации у нас в стране, в обществе. Поэтому это крайне важная, крайне опасная ситуация.

Что же касается этих отображений и опасностей, которые якобы таит в себе семья? Мы слышим непрерывно, что семья – самое главное опасное место для ребенка. На самом деле мы знаем, что из всех случаев преступлений против детей, и тяжких преступлений, и против половой неприкосновенности, и так далее (из случаев преступлений, а не из количества детей), одна шестая часть происходит в том числе в семье. Очень интересует, почему никого не беспокоит пять шестых? Где происходит пять шестых? Почему именно семья, где одна шестая является таким объектом безудержного внимания, при котором из совершенно нормальных семей изымают детей? Причем это стало уже массовым явлением. Представители органов опеки, учителя в школах, воспитатели в детских садах, медики перестали понимать, что нельзя разрушать семью. Сказано, что это очень правильно – донести на семью, выявить, нельзя ли забрать ребеночка.

У нас уже в прошлом году было два смертельных случая – это Родион Тонких в Краснодарском крае и Умарали Назаров в Петербурге. Два ребенка, совершенно здоровых, были помещены в больницу, один умер через пять дней (Родион Тонких), другой – в тот же день через 12 часов, извините, захлебнувшись рвотой. Сейчас, несколько дней назад, это дело в Петербурге прекращено, якобы ребенок умер от цитомегаловируса. Простите, но, по данным ВОЗ, 90 процентов городского населения и примерно половина сельского населения в мире являются носителями цитомегаловируса, то есть это очень распространенный вирус типа герпеса, который в крайне редких случаях в генерализованной форме может быть причиной смерти. Здесь ребенок захлебнулся рвотой, и это прекрасно видно из вскрытия, из документов, которые имеются по этому делу. Но сказано, что дело закрыто, следствие закрыто, никто не понесет наказания.

Е.Б. МИЗУЛИНА

За отсутствием события преступления.

М.Р. МАМИКОНЯН

За отсутствием события преступления. Ребенок, оказывается, умер сам по себе. Но если бы его не отняли у его таджикской матери, у которой были просрочены документы, если бы его оставили бабушке, у которой документы были в порядке, то этого бы не произошло. Но дело в том, что уже стало нормой вытаскивать детей из семьи. Это уже почти что доблесть.

Во втором случае (с Родионом Тонких) – то же самое: двое детей оказались предметом "вожделения" в данном случае ПДН, а не опеки, и эти двое детей были забраны (мать, видите ли, час отсутствовала) якобы по безнадзорности. Простите, какая безнадзорность? Она пошла за старшей девочкой в детский сад, оставив крестной этого маленького ребенка. Через несколько дней ребенок погиб в больнице. Было сказано, что эта семья держит детей в тяжелом положении: у них в холодильнике всего лишь каша, а каша – это не еда, было сказано. Вот эти упитанные дети, мне кажется, совершенно не свидетельствуют о том, что их недокармливали. Значит, все-таки дело было не в этом, и спасти этих детей от мамы не надо было. И таких случаев, к счастью, не смертельных, но когда забирают детей, огромное количество.

Вот вчера был суд в Амурской области по поводу случая, который произошел у мамы. (Если можно, покажите эту маму с ребенком.) Вот эта молодая мать, вот ее ребенок. Она не хотела делать ему прививку, не посоветовавшись с иммунологом, потому что предполагала, что у ребенка будет действительно не та реакция (и потом это подтвердилось). Но затравленные всей этой системой, когда за отсутствие прививок нужно обвинить родителей, медики вообразили, что она не оказывает ребенку необходимую помощь и не исполняет обязанности по воспитанию. Семью (ее с ребенком) начали буквально терроризировать. Она никого к себе не пускала. Тогда ПДН вообразило, что она, наверное, убила ребенка, поэтому она не пускает. Ее дом брали приступом, загорядясь омовскими щитами, а ее саму уложили с помощью электрошокера. И в результате сейчас эту молодую мать привлекли к суду за то, что она поцарапала полицейского в момент, когда у нее забирали ребенка. А что она должна была делать? Она должна была спокойно его отдать? Вот тогда она была бы матерью, не заботящейся о своем ребенке. Вчера было первое слушание в суде. Жуткая ситуация!

Вчера же в другом месте, в Краснодарском крае, – тоже случай, которым занимается наша организация. Отец троих детей был лишен родительских прав. (Если можно, покажите.) Есть совсем короткий ролик. Скажу в двух словах: трое детей одинокого отца, немолодого отца (59 лет), каменщика, были переданы в замещающую семью.

Вообще, самый главный стержень всей сегодняшней ситуации состоит в том, что у нас создан рынок замещающих семей. Эти семьи оказываются в приоритетном положении по отношению к родным семьям. Родным семьям не платят, даже многодетным, это не те деньги, на которые можно поднять детей. Но зато в замещающую семью идут очень хорошие выплаты. Это стало выгодным, это стало интересным. Куча замещающих семей рвется взять детишек, далеко не всегда из любви к ним. В результате произошел вот этот дикий совершенно перекосяк и детей используют иногда...

Вот, например, в данном случае в Краснодарском крае эти трое детей фактически батрачат в приемной семье, в этой опекунской семье. Но отца обвиняют в том, что он не выполнял своих обязанностей и допустил жестокое обращение с ребенком. В чем оно заключалось, как вы думаете? В том, что, когда старшая девочка (10-летняя) подожгла сено в сарае (там случился дикий пожар, мог загореться дом и так далее), он после этого запер ее в комнате и сказал: "Если ты будешь поджигать сейчас или когда-нибудь, то тебя могут посадить в тюрьму". Но девочка не понимала, что такое тюрьма. Он сказал: "Вот я тебя закрываю – вот так бы ты сидела в тюрьме". Он ей это объяснял, он ее воспитывал. Но, оказывается, это было жестокое обращение с ребенком, и его лишают родительских прав.

Если можно, буквально коротенький ролик. Нет его? Что такое? Нет.

Так вот, в этом ролике, которого нет, этот самый несчастный отец, у которого сейчас забрали трех детей в пользу опекунов и лишают прав, говорит в конце: "Я всю жизнь работал. Я созидатель: я каменщик, я строил в Ленинграде, я своими руками, вот этими трудовыми, положил миллион кирпичей. И теперь у меня разрушили семью. Раз у меня разрушили семью и у меня уже ничего нет, что бы меня останавливало, я стану разрушителем, а не созидателем. Раз так сделали, я буду разрушителем". Мы что хотим, чтобы у нас вот такие люди, которые всегда были созидателями, становились разрушителями? К этому ведем?! Что вообще происходит? Это крайне опасная ситуация, в которой надо немедленно что-то менять. Спасибо. Извините, если долго. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Мария Рачиевна, спасибо большое. Действительно, я тоже не вижу оснований для того, чтобы отбирать ребенка в этих ситуациях и сразу лишать родительских прав, безусловно. Вот и получается, что на самом деле кто-то, скажем так, не умышленно, не по злему умыслу, но наживается на людском несчастье. То есть вместо того, чтобы поддержать семью, что будет гораздо дешевле и выгоднее государству, мы фактически создаем над семьей, у которой есть

проблемы, целую "пирамиду", замещающую эту семью, и это обходится государству и налогоплательщикам во много раз дороже. И сколько конфликтов, сколько несчастий и трагедий из-за этого!

Вопрос очень серьезный, для того чтобы задумываться и смотреть в комплексе, Вы правильно ставите вопрос. Я, кстати, сейчас не проанализировала, но взяла статистику и по статье 156 Уголовного кодекса (там, правда, резкое сокращение числа преступлений, но я анализирую в том числе и в динамике, она же совсем обтекаемая), по преступлениям насильственным, к сожалению, не выделяют в отношении родителей... Но вот эти общие данные относительно того, что одна шестая среди тех преступлений, которые совершены против детей, – это члены семьи, а пять шестых – это фактически совершают преступления не члены семьи в отношении ребенка, действительно ведь основание задуматься и понять масштаб проблемы, про что мы все время и говорили, а где... Мы настолько сосредоточились на этой... Надо, обязательно надо заниматься выяснением причин преступлений внутри семьи в отношении детей, но не надо выпячивать, что это основная проблема, потому что одновременно действительно преступления сексуального характера в отношении детей извне – это вообще большой бич и гигантская проблема и в силу еще ее латентности, скрытости и очень большого количества людей, которые как бы снисходительно относятся к самой этой сфере. Спасибо.

О.Ф. КОВИТИДИ

Разрешите, Елена Борисовна...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нет, минуточку.

Рабец Анна Максимовна (потому что я уже объявила)...

О.Ф. КОВИТИДИ

Нет, просто пока она будет идти, если можно, я одно слово скажу.

Е.Б. МИЗУЛИНА

А она не пойдет туда, она будет с места...

О.Ф. КОВИТИДИ

Я хочу поддержать Марию Рачиевну (мне очень понравилось ее выступление) и сказать о том, что Вы подняли очень актуальный вопрос (если у нас действительно уже обсуждение идет) – о необходимости разделения насилия. Поэтому в данном случае мы должны иметь понимание и о латентности (то, о чем сказала сейчас Елена Борисовна), о том, что есть совершение скрытого насилия, о котором просто стыдно иногда говорить. Поэтому здесь мы тоже должны понимать,

что это имеет место и, самое главное, наверное, что семья – все-таки это первоначальная ячейка общества, и если мы разрушаем семью – мы разрушаем общество, мы разрушаем государство. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Пожалуйста, Анна Максимовна Рабец, доктор юридических наук, профессор, кафедра семейного и ювенального права юридического факультета Российского государственного социального университета, член временной рабочей группы по совершенствованию семейного законодательства.

А.М. РАБЕЦ

Сейчас у нас уже не кафедра семейного и ювенального права...

Е.Б. МИЗУЛИНА

А как она называется?

А.М. РАБЕЦ

Ее, между прочим, ликвидировали, уникальную...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Очень хорошо.

А.М. РАБЕЦ

Нет, она была не такая – ювенального права...

Е.Б. МИЗУЛИНА

По семейному важно...

А.М. РАБЕЦ

Она не была ювенальной юстиции.

Е.Б. МИЗУЛИНА

А, просто в отношении семейной?..

А.М. РАБЕЦ

Сейчас она называется кафедрой гражданско-правовых дисциплин. Кстати, это тоже шаг назад.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да.

А.М. РАБЕЦ

Слили нашу уникальную кафедру семейного права с гражданской, так что это довольно печальное событие.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Вот это тоже плохо.

Извините, Анна Максимовна, но вот эта тенденция, которая сохраняется, где гражданско-правовая сфера, специалисты в области гражданского права вытесняют специалистов в области семейного права, придают процессы совершенствования и развития семейного права, – это тоже тенденция, кстати, в пользу бизнеса в семейной сфере, в пользу ювенальной юстиции, поскольку семья и семейное право... И все специалисты в области семейного права, кстати, в России едины применительно к традиционной семейной культуре. Извините, пожалуйста.

Анна Максимовна, Вам слово. Пожалуйста.

А.М. РАБЕЦ

Спасибо.

Уважаемые участники парламентских слушаний! Я только на некоторых, самых, как мне кажется, радикальных, вопросах нашего законопроекта, который сегодня обсуждается, хотела бы остановиться.

Первое – о предупреждении. Хорошая, конечно, мера. Но дело в том, что (как правильно говорил Александр Анатольевич, выступая) по сложившейся практике предупреждение выносилось лицам, в отношении которых недостаточно было оснований для лишения родительских прав, судом при рассмотрении иска о лишении или, может быть, даже ограничении родительских прав. Предлагается в законопроекте это переложить на органы опеки и попечительства. Мы таким образом делаем орган опеки и попечительства карательным органом, поскольку это все-таки мера семейно-правовой ответственности, и мы сами, как разработчики законопроекта, это всячески подчеркиваем. Это хоть и самая мягкая, а все-таки мера семейно-правовой ответственности. Как мы можем сочетать в себе понятия "опека" и "ответственность"? Меня вот это очень настораживает. Я не знаю, может быть, действительно так и оставить, как сейчас есть в постановлении Пленума, только изложить это на законодательном уровне, то, о чем Александр Анатольевич говорил, и этим ограничиться. То есть пусть эта мера – предупреждение – будет, но пусть ее выносит суд в связи с иском о лишении, даже не о лишении (до лишения, может быть, дело не дойдет), а именно об ограничении родительских прав на определенный срок, когда поведение родителей, а не обстоятельства, не зависящие от них, является основанием для ограничения родительских прав. Но передавать это в органы опеки, которые призваны защищать интересы детей, решать разногласия между родителями и детьми по поводу воспитания, то есть быть людьми добрыми, а не карательными... Я здесь ставлю очень большой вопросительный знак.

И второе. Первым основанием лишения родительских прав согласно пункту 1 новой редакции статьи 69 является установленная приговором суда вина в совершении умышленного преступления против своих детей, второго родителя, супруга (независимо от того, является ли он родителем) и других членов семьи. Значит, мы меняем, простите, шило на мыло, потому что мы отказываемся от оценочного понятия, правильно отказываемся, от понятия жестокого обращения с ребенком, нарушения его половой неприкосновенности, как основания лишения родительских прав по действующей редакции Семейного кодекса Российской Федерации. А чем заменяем? Совершением умышленных преступлений против (пусть установленных приговором, я это опускаю, это само собой) супруга, родителей, детей и так далее. Под словами "умышленное преступление" Уголовный кодекс Российской Федерации понимает (при обсуждении совершенно верно Елена Борисовна говорила) и преступление, совершенное против жизни и здоровья в состоянии аффекта, особенно не внезапно возникшего, а накопленного аффекта, накопившегося, когда чаша терпения, так сказать, уже переполнена, и преступление, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, когда человек умышленно, защищая свою жизнь, наносит вред жизни или здоровью человека. За это мы что, тоже будем лишать родительских прав?

Выход я вижу вот в чем. Наверное, надо немножко отступить от традиций кодификации, так сказать, техники семейного законодательства, утверждать только нечто позитивное, не делать лишних отсылок к какому-то другому законодательству. А вот в этом вопросе все-таки надо поступить по-другому.

И я хочу, чтобы это было записано в рекомендациях к парламентским слушаниям как наша задача, с одной стороны, обеспечить эффективную защиту прав и интересов детей, и даже не столько прав и интересов, а их личности, их физического существования, а с другой стороны, нам нужно обеспечить при применении мер ответственности к родителям презумпцию невиновности родителя. А для того чтобы ее обеспечить, надо четко сказать, какие умышленные преступления, совершенные родителями и констатирующиеся вступившим в законную силу приговором суда, будут основанием лишения родительских прав. Надо не стесняться, а просто перечислить все составы Уголовного кодекса, которые сюда относятся. Конечно, не побои, не преступления небольшой тяжести, а, скажем, иные преступления. Сюда, кстати, войдут и преступления сексуального характера. И таким образом мы решим вопрос о нарушении половой неприкосновенности ребенка, не включая их наряду с жестоким обращением в число этих оценочных понятий лишения родительских прав и не обсуждая, что такое нарушение половой неприкосновенности, это обстоятельство должно или не должно быть подтверждено вступившим

в законную силу приговором суда или это тоже будут чьи-то домыслы. Поэтому я очень прошу это как-то зафиксировать с точки зрения презумпции невиновности родителей и отразить в рекомендациях к парламентским слушаниям. Спасибо. (*Аплодисменты.*)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо большое, Анна Максимовна. Я постаралась записать. Но мы с Вами вместе это делаем, так что если я что-то неточно воспроизведу – уточните.

Я предоставляю слово Коваленину Александру Викторовичу, председателю Новосибирского регионального отделения Общероссийской общественной организации защиты семьи "Родительское всероссийское сопротивление".

Приготовиться Гордеевой Марине Владимировне, председателю правления Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

А.В. КОВАЛЕНИН

Уважаемые участники парламентских слушаний! Я хочу успеть остановиться на трех моментах, самых важных, на мой взгляд, по разговору, который уже состоялся.

Во-первых, спасибо Елене Борисовне за это введение про ювенальную юстицию в широком смысле слова, о которой мы говорим неустанно. Но, чтобы говорить об этом предметно и конструктивно, нужно брать быка за рога, а рога у этого быка – это интересы частного устройства детей. Так происходит в Европе, так происходит во всем мире, и мы на прошлых слушаниях вполне доказательно, мне кажется, показали, что это действует и у нас. Мы предъявили типовую схему беззакония по анализу наших дел, и вектор передачи детей из родных семей в приемные просто по всем этапам этой схемы виден. И в этом смысле вопросы отобрания детей громче звучат, но это даже не самый ключевой момент в этой схеме, а ключевой момент – это присвоение статуса "оставшийся без попечения". То есть опека сама себе (это не вопрос закона № 120) присваивает право устраивать детей в семью, это внесудебное лишение прав. Этот вопрос стоит в первой строчке первого пункта плана реализации национальной стратегии, утвержденного Правительством, и очень важно, чтобы он не был упущен. В весенней версии законопроекта он был и в принципе решен удовлетворительно. Это же мнение высказывало МВД, которое мы не слышали, но читали, на прошлых слушаниях оно нам было роздано. Было очень отранно видеть вообще позицию МВД, она от земли, она действительно от жизни, а не от схем, не от стратегий каких-то, она просто от жизни, что реально, а что нереально. И со всеми предложениями мы либо согласны полностью, либо на уровне редакции только у нас какие-то разногласия.

В частности, и по отобранию позиция МВД должна быть учтена. Она сейчас не учтена в том законопроекте, который мы имеем. Непонятно, нет оснований, почему опека должна заниматься отобранием. Нет никаких оснований, почему опека должна заниматься не опекунскими семьями. Природа опеки – это устраивать детей. Сама опека никак не заинтересована ходить в семьи. Типичная ситуация: опека лезет в семью, потому что поступил сигнал, она обязана. Семья звонит нам, я звоню в министерство, говорю: "Что такое?" Кончается тем, что мы просто расшаркиваемся друг перед другом, что, да, опека имеет право прийти, да, семья имеет право не пускать. И всё. Опеке это надо? Самой опеке это не надо. Зачем ей эти проблемы?

Вопрос о законе № 120.

Е.Б. МИЗУЛИНА

А кто тогда будет осуществлять акт отобрания?

А.В. КОВАЛЕНИН

МВД.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Полиция? Полицейские?

А.В. КОВАЛЕНИН

Секундочку, вот сейчас я буду об этом говорить. Опека не должна быть органом надзора за обычными семьями и не должна быть правоохранительным органом. Отобрание может быть только тогда, когда нарушены чьи-то права – права ребенка, например. Ненадлежащее выполнение обязанностей – это тоже правовой вопрос, нарушение определенной правовой нормы. Значит, этим должна заниматься правоохранительная система, и она действует, работает, она описана.

На прошлых слушаниях мы не могли не заметить, что сразу три выступления атаковали закон № 120 в его нынешней форме. Мы, конечно же, не то чтобы не видим изъянов... И в Семейный кодекс, и в закон № 120 мы предлагаем массу поправок, но они связаны с тем, чтобы укрепить замысел, позитивный замысел закона, против тех явлений, новых вождедений, которые появились в обществе и на которые закон был не рассчитан.

Концепция закона № 120 отвечает на те вопросы, которые сегодня мы ставим: а где пределы вмешательства? Пределы вмешательства концептуально решены там очень просто: пока от семьи ничего антиобщественного не исходит, вмешиваться не надо. Антиобщественное – это ребенок попрошайничает, в пьяном виде задерживается и так далее. Ответственность семьи

состоит в том, что от нее требуют результат, но методы оставляют ей. Это не тот смысл ответственности, который предлагает фонд поддержки, где позитивное родительство привели для нас как ответственное родительство в противоречие с исходным смыслом слова "ответственность".

Поэтому закон № 120 нужно менять, редактировать, но именно редактировать, а не менять концептуально. То есть у нас в стране четко решено: опека, во-первых, по своей природной функции не должна касаться семей, а, во-вторых, в силу того интереса, который она занимает, она регулятор рынка семейного устройства. Всякое касательство родной семьи, не опекунской, – это явный конфликт интересов. Она сама себе выявляет, она сама себе устраивает. И именно эта сфера... У МВД независимая позиция, потому что дети там не задерживаются, оно не заинтересовано ни в чем. А опека объективно атакуется всеми вожделениями тех, кому нужны дети. Это же нельзя не понимать, это коррупциогенный фактор.

И третье, о чем я хочу сказать, – это вопрос... Собственно, я и готовился говорить именно об ограничении прав, о концептуальных вопросах. Я готовился к более неспешному разговору, но просто скажу о том, что сейчас в понятии ограничения прав есть два совершенно различных института, которые должны быть разделены, это не должно быть одно и то же понятие. Ограничение прав в том, что касается виновного поведения родителя, фактически по содержанию ничем не отличается от лишения прав, только временное лишение прав или приостановление прав. И его проще было бы внести в какую-то редакцию просто статьи 69 – в лишение прав, но с некоторой отсрочкой, временное лишение и все.

Когда мать больна – это другой институт, и по последствиям, и по основаниям. И это действительно ограничение прав. Допустим, право определять и выражать интересы мы отнимаем, потому что она психически больна, но при этом право на поддержку государства, право на помощь от ребенка в старости остаются. То есть некоторые права остаются ограниченными.

Важно подчеркнуть, что право на проживание с ребенком, право на участие в воспитании – это частные случаи права определять и выражать интересы. И не нужно большей детализации. Вот в этом вся сущность перехода права, вся сущность лишения прав. Это главное родительское право – определять и выражать интересы ребенка.

В предлагаемую статью (сейчас, в законопроект) вводится третий институт (и всё на то же самое название – "ограничение прав") – это институт социального сопровождения. И вот это очень серьезно. Те протесты, о которых мы сегодня говорили, в 2012 году были против чего? Не просто абстрактно против ювенальной юстиции, а конкретно против закона о соцпатронате,

против навязывания услуг. Президент пришел к нам, сказал: "Соцпатроната не будет". "Хорошо, – сказали сторонники соцпатроната, – мы его теперь назовем по-другому, назовем социальным сопровождением". И провели, обошли Президента.

В чем смысл социального сопровождения, никто объяснить не может. У нас есть только одна строчка в законе № 442 – это содействие, не относящееся к услугам. Из него следует только одно: гражданин не защищен от него принципом добровольности. То есть оно специально делается ради какого-то искусственного навязывания. Косвенно это видно в статье 65 Семейного кодекса, которую недавно, в 2013 году, дополнили пунктом 4.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Александр Викторович, к сожалению, время.

А.В. КОВАЛЕНИН

Да. Один пункт тогда, просто одну метафору, почему соцсопровождение... Представьте себе, что суд, вынося приговор по уголовному делу, не говорит конкретную санкцию (два года лишения свободы), а говорит: отдать в систему исполнения наказаний, и пускай они его как-нибудь там накажут. Вот это и есть по форме... Суд принимает решение, еще неизвестно какое, что там будет. Еще только по законопроекту, который у нас был весной... только потом будет разрабатываться план работы с семьей. Если он откажется... Он уже отказаться не может, потому что это решение суда, то есть фактически он наказан содействием. Нормальная система другая: его предупредили, дали ему точки: вот можешь сам добровольно обратиться, здесь поучиться, здесь полечиться, не хочешь – пожалуйста, дальше будут другие санкции. Вот нормальная система. Не нужно другой, не нужно навязывать содействие. Цена этого – 260 тысяч подписей с 2012 года. Все тогда. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Александр Викторович, ну, Вы, конечно... Нет-нет, мы не будем вступать в дискуссию, я просто некоторый комментарий... Вы фактически предложили вообще отказаться от такой формы семейно-правовой ответственности, как ограничение родительских прав. Тогда, извините, Вы противоречите тому, о чем говорил Президент Владимир Владимирович Путин на первом съезде родителей. Он же ведь сказал, что это должна быть крайняя мера, и в законопроекте, который мы предлагаем, мы и записываем как крайнюю меру. А если это крайняя мера, значит, должны быть какие-то ступени, предшествующие этому. Потому что отрицать, что у нас есть те семьи, которые нуждаются в том, чтобы дать им возможность восстановиться, изменить свое поведение, и они нуждаются в каком-то ведении, невозможно, и Вы это не отрицаете. Более того...

А.В. КОВАЛЕНИН

Можно реплику?

Е.Б. МИЗУЛИНА

Не надо дискуссии, я Вас очень прошу, это не принято, это нехорошо.

Александр Викторович, смотрите, что получается. Вы сейчас про социальное сопровождение... А я вижу в нем рациональное зерно. Вы фактически проговорили очень важную вещь: Вы не против него, но Вы считаете, что в судебном решении, если применяется или назначается институт социального сопровождения, должно быть четко указано, в чем суть, то есть что это такое, как оно будет работать. Вот я здесь с Вами соглашусь.

И вся проблема, почему люди возражают, – потому что на самом деле что-то неизвестное предлагается, социальное сопровождение. Это пугает людей, неизвестность всегда пугает. Действительно, это становится зависимым от того, кто будет организовывать социальное сопровождение. Если же все-таки будет... Называя, не называя "социальное сопровождение"... Мы поставили вопрос применительно к ограничению – иные права родителей, которые могут быть ограничены, и в судебном решении строго оговорено, и, может быть, какие-то обязанности, которые возлагаются на родителей.

Кстати, в европейской практике и в других странах в судебных решениях прямо прописывается, что он должен сделать, и никакого социального сопровождения не нужно. Даже, наоборот, родитель, например, если он должен пройти какие-то психологические курсы или еще что-то, сам идет на эти курсы, сам выбирает вариант, как... может, это будет самообразование. Но с ним может потом (через месяц или два), например, побеседовать специалист или психолог, разобрался ли, какова ситуация. То есть здесь нет такого плотного социального сопровождения.

Это давайте пропишем вместе, здесь возражений нет, но нам надо найти какой-то механизм, чтобы все-таки применительно к таким семьям, которые можно сохранить для ребенка, но это сложные семьи, где невозможно оставлять ребенка с ними один на один без какого-то патроната... Ведь, кстати, вы же, ваше родительское сообщество, тоже этим занимаетесь, вы помогаете семьям. Просто чтобы семьи не боялись. Давайте найдем такой механизм и его оговорим, но это ограничение. Любое сопровождение – это ограничение: добровольное, когда сама семья говорит: "Да, помогите мне, пожалуйста", и то, которое может быть принудительным, то есть назначаемым по решению суда. Я не исключаю даже и такое, но на это должны быть какие-то веские основания, механизм прописан. Непросто. А что простого? Семья – это вообще

такой институт... Но вводить то, что непонятно, что вызывает сомнения, что вызывает опасения, я здесь с Вами соглашусь, не стоит.

Давайте лучше попытаемся это зафиксировать. Или есть еще один вариант. Право развивается таким образом, что не всегда можно формализовать норму. Вы, как юрист, это прекрасно понимаете. Как это можно сделать? На Западе это называют пилотными площадками. В дореволюционной России это называлось поэтапным введением закона: вводили на какой-то территории или в районе, смотрели, как это происходит. У нас сейчас все это возможно: ввели в районе, в селе, в поселке, посмотрели, проанализировали (может быть даже несколько вариантов такого рода: в одном – один способ, в другом – другой) и решили, работает схема или нет, можно ли ее формализовать в закон, и тогда распространили и ввели в закон, если получается. А может быть, убедимся, что как раз эта схема не та, надо искать другую. То есть, ну, чтобы не превращать всю страну в лабораторию, как сейчас происходит, где все спорят друг с другом. По существу солидарны, только одни считают, что это надо делать, другие говорят, что не понятно, что надо делать, а на самом деле солидарны. Потому что ведь те, кто говорит "не надо", они же не отрицают, что семьи-то есть, которые нуждаются в такого рода поддержке государства, в том числе даже и принудительной. Но возникают вопросы: каков размер принуждения? Кем применяется? Каков механизм? Чтобы это была прозрачная процедура, понятная по срокам, по лицам и так далее. Значит, у нас есть шанс договориться.

Пожалуйста, если есть ваши письменные замечания к законопроекту... Я поняла, что Вы его видели и прочитали, это рабочая версия, я специально оговорила, мы не стали раздавать. У нас уже очень много поступило замечаний. Мы будем обсуждать постатейно все замечания, которые поступили, поэтому будем признательны, если и вы их предоставите. Я знаю, что с Людмилой Николаевной у вас хороший контакт. Кстати, к рекомендациям можете сформулировать свои предложения. Я некоторые попыталась записать, но потом еще по стенограмме посмотрим обязательно выборку. Но если вы дадите письменные замечания, это будет уж совсем ваш аутентичный текст. Вот Екатерине Алексеевне Поздняковой, пожалуйста, она у нас таблицу составляет. Это секретарь временной рабочей группы координационного совета, ведущий специалист в области семейного права, кандидат юридических наук.

Спасибо большое, Александр Викторович. И спасибо, что Вы организовали дискуссию по принципиальным вопросам законопроекта, нам это очень важно. Мы просили по сопровождению высказаться, потому что мы не уверены, как это лучше записать. Потому что нам и Людмила Николаевна, в частности, говорит: "Так что добровольное?.. Лучше тогда обязательное

сопровождение, но только все четко расписать, что, как и когда он должен сделать". Обсуждать будем.

Гордеева Марина Владимировна, председатель правления Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. С Вами только что поспорили, так что, пожалуйста, Вам слово.

Приготовиться Дзугаевой Алле Зауровне.

М.В. ГОРДЕЕВА

Елена Борисовна, я воспользовалась площадкой. Тема заявлена шире, чем обсуждение Семейного кодекса.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, обеспечение прав детей... А Вы по своей теме, пожалуйста, по детям-инвалидам...

М.В. ГОРДЕЕВА

Да. Я, если позволите, все-таки хотела бы обратить внимание присутствующих, что есть семьи, воспитывающие детей-инвалидов, и число детской инвалидности не уменьшается из года в год, а возрастает, поэтому есть свои проблемы, сложности. Понятно, что многое делается в последние годы, даже десятилетия, я бы сказала, но говорить, что проблемы решены и права семей с детьми-инвалидами защищены, наверное, еще рано. Спектр проблем разнообразен. Часто родители, у которых рождается ребенок с инвалидностью, испытывают огромные сложности, и возникает ситуация возможного отказа от ребенка. Это связано и с боязнью родителей не справиться с ситуацией, и с необладанием информацией о заболевании, и с отсутствием психологической поддержки в этот сложный момент. И, конечно, здесь нужно прилагать дополнительные усилия. Нам кажется, что в родильных домах в обязательном порядке все-таки при рождении детей с отклонениями в здоровье женщинам обязательно должны оказываться психологические консультации, предоставляться полная информация о наличии служб, которые могли бы (извиняюсь, слово применю) сопроводить эту семью.

Термин "сопровождение" очень широко применяется в нашей практике. Сопровождают выпускников детских домов, сопровождают приемные семьи, сопровождают, кстати, и семьи с детьми-инвалидами. Это где-то жестко записано, где-то это выстраивается как технология работы.

Посмотрите, такое сопровождение в Москве выстроено сегодня как интегративный консультант для детей с ДЦП, причем с рождения одна служба на все возрастные группы, которая обладает всей информацией о проблеме и имеет контакты со всеми городскими ресурсами,

работающими на улучшение положения семей, в которых есть люди с этим заболеванием, скажу так, нозологией.

Еще одно направление поддержки детей – это ранняя помощь, которая коллегами зачастую тоже расценивается как грубое вмешательство в дела семьи, но за эту раннюю помощь семьи с детьми-инвалидами боролись. Во всяком случае, насколько я в этой теме, столько я об этом слышала, потому что речь идет о том, чтобы при рождении семья начинала получать адекватные, прежде всего, диагностику, консультирование и содействие в воспитании ребенка с той или иной патологией.

Принята государственная концепция, она сейчас должна применяться, и речь идет опять же... диагностика – это медицинская часть, воспитательная часть – за образованием, социальная защита и оказание поддержки – в иных формах. В регионах в разной конфигурации это присутствует, но единых каких-то вещей еще явно... Что я имею в виду под едиными? Прежде всего, стандарты работы специалистов, в конце концов, специалистов по ранней помощи, которые обладали бы компетенциями и имели понимание, какой спектр потребностей возникает в данном случае у семей и в какой поддержке они нуждаются. Ведет разговоры и родительская общественность о возможности создания федерального методического центра по внедрению программ ранней помощи в регионах и вообще о продвижении технологий, обучении специалистов, которые работают в этой сфере.

И еще одна тема (кратко тоже остановлюсь) – это дети, содержащиеся, живущие в домах-интернатах, прежде всего системы социальной защиты населения. Резко поменялась ситуация с сиротством в детских домах (назову, системы образования и частично здравоохранения), но интернаты, которые содержат детей с очень тяжелыми заболеваниями, в меньшей степени подверглись переменам. Сегодня Министерство труда и социальной защиты озаботилось этим моментом и приступило к продумыванию собственно идеологии работы этих учреждений – это место для проживания или это место временного пребывания, для того чтобы найти или, прежде всего, конечно, поддержать родную семью и вернуть ребенка в эту семью. Потому что зачастую родители на время оставляют ребенка в этом интернате, а потом выясняется, что это вроде бы как и навсегда, потому что контакт разрушен, умения не приобрели, и родственники тоже уже не поддерживают такую ситуацию.

Поэтому все-таки эту ситуацию, с одной стороны, кто-то может квалифицировать и как неисполнение родительских обязанностей – непосещение того же дома-интерната, куда отдали на воспитание (это не отказ от ребенка – на воспитание, но неучастие в этом воспитании), но, с

другой-то стороны, сам дом-интернат так устроил свою работу, что родителям там места нет просто-напросто, нет форм вот этого рационального и взаимного проникновения в жизнь и семьи, и интерната. Поэтому полагаю, что эту тему нам надо бы держать тоже на уровне звучания и понимать, что, конечно, выстраивание реабилитационных, абилитационных услуг – это термин уж очень общий. Но надо понимать, что он наполняется конкретным содержанием и что сегодня реабилитация в заинтересованном сообществе уже не понимается как исправление функций, а реабилитация – это создание такой среды, которая бы позволила мне, имея ограничения, полностью или наиболее возможным способом реализовать мои жизненные устремления или возможности.

И спасибо, Елена Борисовна, что дали трибуну сказать и об этом. Спасибо.
(Аплодисменты.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Марина Владимировна. Но мы очень надеемся, что именно благодаря, может быть, вашим программам можно будет создать такие экспериментальные центры дневного пребывания родителей с детьми-инвалидами, постоянного, чтобы они могли хотя бы из дома периодически знать, что они...

М.В. ГОРДЕЕВА

Тема сопровождаемого проживания, сопровождаемой занятости, социальной занятости – это то, что нужно...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Ну, это ведь можно с помощью фонда... Вы же много... Ведь надо, чтобы еще увидели, как это работает, и тогда появляется стремление создавать такие центры, потому что на самом деле проблема семей с детьми-инвалидами действительно очень острая, благоприятной среды такой нет, тяжело воспитывать этих детей.

Слово предоставляется Дзугаевой Алле Зауровне, кандидату юридических наук, заместителю руководителя Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы. Выступление на тему "О внесении изменений в отдельные нормы Семейного кодекса Российской Федерации и иные законодательные и нормативные акты Российской Федерации". Алла Зауровна, Вам слово.

Приготовиться Башкину Александру Давыдовичу.

А.З. ДЗУГАЕВА

Елена Борисовна, я с места, если можно.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Пожалуйста, как Вам удобно.

А.З. ДЗУГАЕВА

Уважаемая Елена Борисовна, уважаемые участники парламентских слушаний! Конечно, говоря об основных направлениях совершенствования семейного законодательства, хотелось бы остановиться на следующих моментах. Прежде всего, безусловно, назрела (и мы сейчас на практике это особенно остро ощущаем) необходимость уточнения порядка отобрания детей у родителей или лиц, их заменяющих, при наличии угрозы жизни или здоровью детей. Вместе с тем мы полагаем, что разработанная редакция статьи 77, новая редакция, требует определенной корректировки и уточнений. В частности, во-первых, на наш взгляд, следует, возможно, уходить от обязательности обращения органа опеки и попечительства в семидневный срок в суд с вопросом об ограничении родителя в родительских правах или о лишении родительских прав, если суд уже установил факт отобрания ребенка и такое решение об отобрании вынесено. Скорее, здесь было бы более оправданно в случае вынесения...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Алла Зауровна, у нас суд не выносит решение об отобрании, у нас суд оценивает законность (незаконность) решения органа опеки об отобрании. То есть судебный порядок вместо административного... проверки закона...

А.З. ДЗУГАЕВА

Да. Но здесь, Елена Борисовна, выносятся решение суда в течение 24 часов. И если признается, что был обоснованно изъят ребенок, была угроза, то здесь, наверное, более правильно было бы все-таки разработать план мероприятий, установить законодательно необходимость разработки плана мероприятий, направленных на возвращение ребенка родителям, и, конечно же, безусловно, с согласия родителей и с участием родителей этот план дальше реализовывать, и вопрос об ограничении или лишении родителя родительских прав решать только в том случае, если в этом действительно есть необходимость и есть основания к этому.

Второй момент, на котором хотелось бы остановиться. Все-таки, Елена Борисовна, наверное, необходимо в этой норме уточнить определенный порядок отобрания детей в ночное время или праздничный период, воскресные дни. И, может быть, все-таки действительно участие представителей органов внутренних дел здесь было бы оправданно, но при этом должен быть очень четкий механизм (Елена Борисовна, все-таки механизм), порядок этого изъятия.

Е.Б. МИЗУЛИНА

В законе.

А.3. ДЗУГАЕВА

В законе. Может быть, с отсылкой к подзаконному акту, установив, что порядок этой процедуры устанавливается Правительством Российской Федерации, где четко, пошагово это расписано.

Опыт нашего города свидетельствует о том, что только за прошлый год по актам выявления и учета беспризорных и безнадзорных детей было выявлено порядка 240 детей, изъято из семей, при этом отобраний было произведено 40 в судебном порядке.

Это свидетельствует о том, что используемый сегодня органами внутренних дел порядок изъятия детей из семей требует дополнительной правовой регламентации, причем, скорее всего, безусловно, на законодательном уровне, или уточнения нормативно-правовым актом Правительства Российской Федерации.

Следующий момент, на который хотелось бы обратить внимание. В этой же статье об отобрании мы опять остаемся на позиции, что в случаях, не терпящих отлагательства, отобрание ребенка может быть произведено. Но опять на практике возникнет вопрос: а что такое случай, не терпящий отлагательства? Это же тоже проблема сегодня. И совершенно справедливо родительская общественность говорит о том, как оценивает орган опеки это понятие случаев, не терпящих отлагательства. Значит, все-таки, вероятно, нужно попытаться сформулировать и оговорить в законе условия, при которых допускается отобрание, как-то их все-таки, скажем так, конкретизировать, сделать четче, для того чтобы можно было их применять.

Следующий момент, на котором я хотела бы остановиться, – это ситуация, которая на практике складывается и требует своего правового урегулирования, с лишением родительских прав, в частности оставлением ребенка после лишения родителей родительских прав в той же семье, в тех же условиях. Причем это пункт 5 статьи 71, который говорит о том, что вопрос о дальнейшем совместном проживании ребенка и родителей (одного из них), лишенных родительских прав, решается в порядке, установленном жилищным законодательством. И что мы получаем сегодня на практике? Мы получаем практически систему, при которой родители (родитель) лишаются родительских прав, ребенок остается у бабушки в этой же семье, родитель проживает там же, и ситуация никаким образом не развивается. Смысл ведь в конечном итоге лишения родителей родительских прав – это предоставление ребенку тогда иных условий воспитания, которые позволят ему обеспечить надлежащие воспитание и содержание, если суд признал, что лишение обоснованно. В этой же ситуации ничего, кроме предоставления

впоследствии преференций, социальных гарантий ребенку, родители которого лишены родительских прав, не осуществляется. Более того, спрашивается: зачем тогда было лишать родителей родительских прав, если ситуация никаким образом не изменилась?

Еще одна история, еще один сюжет, который сегодня стал очень актуальным, – когда судьи выносят (жалко, что Александр Анатольевич покинул нас, но сегодня это тотальная система) решение о лишении родителей родительских прав за два-три месяца до совершеннолетия ребенка. Буквально случай последних двух дней, когда родитель был лишен родительских прав за два месяца до совершеннолетия ребенка, а решение вступило в силу за один день до совершеннолетия ребенка. Зачем это делать? Для чего это, коллеги? Что это решает? Для чего использовать этот институт лишения родительских прав, кроме того, чтобы предоставить ребенку дополнительные гарантии, освободить родителя от всех обязанностей и не решить никаких проблем, связанных с защитой прав ребенка и помощью родителю в воспитании ребенка? Поэтому статья 71 требует осмысления в этой части.

Еще один важный момент, который тоже в практике у нас недооценен, и постоянно специалисты с этим сталкиваются, его тоже нужно решить в рамках внесения изменений в действующее законодательство. Статья 127 Семейного кодекса Российской Федерации, предусматривающая дачу согласия на усыновление ребенка. Вы знаете, что у нас есть такие понятия, бытовизм такой, как "отказ от ребенка", "отказник". Юридически отказа не существует в нашем законодательстве, отказ в юридическом плане – это как раз именно дача согласия родителем на усыновление его ребенка. Но все дело в том, что такие ситуации множатся в последнее время, когда ребенок не усыновлен. И возникает коллизия: с одной стороны, органы прокуратуры требуют лишить родительских прав такого родителя, который дал согласие на усыновление своего ребенка, что, по нашему мнению, абсолютно незаконно и необоснованно (это волеизъявление родителя, это его право, законом, Семейным кодексом установленное); с другой стороны, если ребенок не устроен, то его правовое положение тоже двусмысленное: получается, что отношения с этим родителем сохраняются, при этом этот родитель может требовать определенной поддержки, и финансовой в том числе, от ребенка по достижении им 18 лет, от воспитания которого он отказался, условно говоря, при рождении. Поэтому эта правовая неопределенность должна быть устранена.

И, конечно, буквально два слова о том, что необходимо более четко разграничить формы семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в нашем законодательстве. Прежде всего я имею в виду институт приемной семьи. Сегодня, к сожалению,

у нас законодательно не определены и не установлены различия в подходах к назначению граждан опекунами на безвозмездной основе и опекунами на возмездной основе (передача ребенка в приемную семью). В результате, конечно, я могу согласиться с теми, кто говорит о том, что на практике желание граждан создать приемную семью нередко бывает обусловлено лишь стремлением получать определенные денежные средства. И мы вынуждены констатировать, что такие факты имеют место.

По нашему мнению, необходимо урегулировать возможность создания приемной семьи, четко определив условия, при которых создается именно приемная семья, например, установив минимальное количество детей, которые передаются в приемную семью, или состояние здоровья детей, которые передаются в приемную семью, определив таким образом и отделив этот институт от института опеки и попечительства, как правило, в котором у нас участвуют родственники детей – бабушки, дедушки...

Далее нужно понять и определиться, каким образом, как орган опеки может, например, опекуну, который приходит и говорит: "А я хочу стать теперь приемным родителем", отказать в этом. Законодательно отказа какого-то не может быть здесь, потому что он никак не урегулирован. А на практике, конечно, опекуном очень часто движет, естественно, желание получить еще дополнительные средства в качестве денежного вознаграждения за выполнение функций приемного родителя.

И сегодня, уважаемые коллеги, когда в нашем банке данных совершенно справедливо остаются в основном дети либо старшего возраста, либо дети с проблемами в развитии, это вопрос, который требует неотложного решения и правового урегулирования.

И последнее, что я хочу сказать в рамках уже начавшейся дискуссии. Может быть, следует подумать о том, чтобы устанавливать опеку и попечительство не в административном порядке, как это делается у нас сегодня (и очень часто возникают справедливые нарекания в связи с тем, что установлена опека или создана приемная семья и не учтены все обстоятельства дела), а в судебном порядке, там, где возможна состязательность, оценка всех обстоятельств дела.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Более прозрачно...

А.З. ДЗУГАЕВА

Более прозрачно... Ведь в семейном... орган опеки может давать заключение о том, что да – это да или да – это нет, но суд, рассмотрев все обстоятельства дела, судья... Может быть, сделать это на уровне мирового судьи, но это все равно будут иные уровень и подход. Ведь в 1998

году, когда делался новый Семейный кодекс, вопрос усыновления передали суду. А, если мы с вами вспомним, до 1998 года (или даже чуть раньше) это была компетенция советов народных депутатов. Детей усыновляли в административном порядке.

Поэтому, уважаемые коллеги, это вопросы, которые требуют незамедлительного решения. И мы готовы работать в этом направлении, принять участие и внести необходимую лепту в изменение этих норм. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Алла Зауровна. Очень интересные предложения, которые тоже заставляют задуматься. Действительно, в том числе и установление опеки, назначение опекунами и попечителями может быть... *(Оживление в зале.)* Но мы записываем: преимущественное право родственников... Мы там нашли некоторые формулировки, но это не работает.

У нас в перечне в Семейном кодексе... Вот вроде маленькая вещь, но все общественники скажут: если родственники стоят после органов опеки и попечительства и всяких других организаций, то в последнюю очередь их и спрашивают. А раз уж приоритет – они должны стоять в любом перечне первыми. Поэтому даже это...

Алла Зауровна, относительно судебной практики я обязательно направлю запрос в Верховный Суд.

А.З. ДЗУГАЕВА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да. Потому что на самом деле, думаю, все-таки суды, скорее, стоят на позиции семьи традиционной, крепкой, естественной для ребенка, то есть биологической семьи, и в этом... Потом процедура... Они подчиняются закону. Если мы в законе четко прописываем, то тогда... На самом деле, наверное, судебный порядок все-таки более предпочтителен. Давайте обсуждать. Это уж совсем, конечно, радикально – даже опекунов, попечителей назначать, но это вообще-то везде нормально... *(Оживление в зале.)*

ИЗ ЗАЛА

Так было.

Е.Б. МИЗУЛИНА

До революции так было. Но вы видите, как болезненно возвращаться в этих вопросах к дореволюционному... хотя именно семья – это такой консервативный институт, где действительно то, что веками...

ИЗ ЗАЛА

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) Может быть, и надо вернуться, это очень правильно.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, и правильно. Это веками наработанное, надо это изучать и восстанавливать, пусть даже с учетом изменившейся ситуации, но все равно это более надежный путь.

Я предоставляю слово Башкину Александру Давыдовичу, члену Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству.

Приготовиться Тачмамедовой Жанне Курбановне.

А.Д. БАШКИН

Уважаемая Елена Борисовна, уважаемые коллеги! Не считаю себя большим специалистом в сфере семейного законодательства. Я не планировал сегодня записываться на выступление, а предпочитал больше слушать, но настолько был впечатлен сегодня услышанным и составом, компетентным составом, что все-таки рискну тоже несколько слов добавить к сказанному выступающими.

Уважаемые коллеги, бесспорно, самым главным, фавулой, основной идеей сегодняшнего разговора является то, что лишение родительских прав, изъятие ребенка из семьи, от матери является крайней мерой. И, конечно, идет поиск тех механизмов, путей, шагов, которые позволили бы все-таки превратить эту меру во временную и дать возможность как родителям исправиться, так и ситуацию, которая позволила говорить об изъятии ребенка, считать временной. И поэтому я хотел бы посоветоваться, не следует ли рассмотреть еще один аспект, о котором, кажется, сегодня не было сказано, – если речь идет о лишении родительских прав или об ограничении вследствие алкоголизма родителей, в частности пьющая мать. И вот уже принимается решение забрать: она безнадёжная алкоголичка, или не безнадёжная, но пьет, она не может в силу своего состояния (пьяная все время) обеспечивать достаточный уход за ребенком, уделять внимание, заботиться. Не следует ли рассмотреть в качестве обязательной меры перед принятием этого решения все-таки лечение матери до этого момента? То есть (понимаете, в чем дело?) мы, может быть, дадим таким образом шанс. Она все время пьяная, она не осознает, что происходит, ей нужно дать протрезветь, осознать себя. Известно, что лечение алкоголиков – крайне сложный вариант, но тем не менее мы знаем массу случаев положительного исхода этого мероприятия, то есть лечения алкоголиков. Поэтому если бы законодательно было возможно закрепить перед принятием решения о лишении родительских прав либо об ограничении в данной

ситуации применение мер медицинского характера, направленных на лечение, то, может быть, это также позволило бы сохранить семью, уберечь ребенка именно в составе семьи. Это первый аспект, о котором я хотел сказать.

А второй... Все-таки, поскольку тема сегодняшнего нашего разговора более широкая – это совершенствование семейного законодательства, не только узкий разговор в отношении изъятия ребенка из семьи и так далее, мне хотелось бы тоже не в порядке обсуждения, а в порядке, может быть, постановки еще вопроса рассмотреть отношения в семье в связи с такими терминами, как "падчерицы" и "пасынки". Наверняка многие из вас были свидетелями разговоров в последнее время на федеральном уровне о том, что ряд регионов оказался в достаточно сложной ситуации, когда речь шла о дополнительных мерах социальной поддержки многодетных семей. И когда возникали отношения, связанные с терминологией "падчерицы" и "пасынки", возникали ограничения в оказании такой дополнительной помощи.

Почему это происходило в ряде регионов? Потому что, в общем-то, шло буквальное приведение в соответствие со статьей 2 Семейного кодекса, где понятие "семья" определяется, что это супруги, родители и дети (кровнорожденные или усыновленные). Понятия "падчерицы" и "пасынки" в такой интерпретации, когда речь шла в регионах о дополнительных мерах социальной защиты, ставились под вопрос.

Почему возник такой вопрос? Я приведу в качестве примера Астраханскую область, поскольку так часто говорили. В 2012 году были приняты меры дополнительной защиты, где в качестве дополнительных мер – и оплата коммунальных услуг от 30 до 50 процентов, и оказание единовременной помощи (разовой) в размере 50 тысяч на каждого третьего и последующего ребенка. И это было принято в отношении всех семей. В отношении всех. А вот в 2014 году были внесены поправки, где были исключены падчерицы и пасынки. Почему это получилось? Дело в том, что мы знаем, что меры социальной поддержки дополнительно оказываются не маме, не папе, не детям, а семье.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Время. Пять минут Вы уже выбрали, Александр Давыдович.

А.Д. БАШКИН

Да-да, я заканчиваю. И в результате многие предприимчивые папы начинали злоупотреблять этим: разводясь и вступая снова в брак, родив ребенка в новом браке, они приписывали имеющихся у них детей, которые находятся в другой семье, шли в социальные органы и получали помощь снова.

Я хотел бы обратить на это внимание не в качестве решения этой ситуации, а в качестве ответа на этот вопрос: можем ли мы на федеральном уровне, совершенствуя семейное законодательство, исключить подобные коллизии впредь?

Большое спасибо вам за внимание. Прошу прощения, что злоупотребил временем.
(Аплодисменты.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо. Вы можете в письменном виде, если что, дать замечания и предложения к проекту рекомендаций. Неделя еще есть.

А.Д. БАШКИН

Спасибо, Елена Борисовна.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

Тачмамедова Жанна Курбановна.

И у нас просит слово Болдырева Нина Николаевна из региона. Ей надо дать слово, потому что она уезжает. Здесь еще Нина Николаевна?

Н.Н. БОЛДЫРЕВА

Да, здесь. Я готова.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Затем Вы, потому что попросили...

Пожалуйста, Жанна Курбановна. Очень большая просьба покороче.

Ж.К. ТАЧМАМЕДОВА

Я постараюсь как можно короче. Спасибо большое.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Тем более что мы еще Вас увидим, не один раз будем встречаться. Пожалуйста.

Ж.К. ТАЧМАМЕДОВА

Мое сообщение касается мифов о семейном насилии. У нас сейчас очень много говорится о семейно-бытовом насилии, о том, какое ужасное насилие совершают родители над детьми, и рассказывается о том, что даже легкие физические наказания якобы наносят огромный вред психическому развитию детей. Это сейчас такая тема, о которой очень много говорят.

На самом деле до того момента, как ювенальная юстиция стала распространяться по всему миру, были исследования, такие неангажированные, которые говорили о том, что легкие физические наказания не наносят никакого физического вреда, не наносят вреда психическому

развитию детей. Но сейчас мы живем в новой реальности, появились новые исследования (целый такой пул исследований), проведенные исследовательницей Элизабет Гершофф. Она провела метаисследование огромного количества исследований, которые доказывают якобы, что даже легкие физические наказания наносят такой ужасный, огромный вред психическому развитию детей. Но эти исследования были подвергнуты резкой критике в научном сообществе. Ученые доказали, что крайне недобросовестно были проведены исследования, в них было много манипуляций и, в конце концов, даже больше идеологии, чем собственно научных исследований. Но выводы, которые были сделаны, сейчас всячески тиражируются. Поэтому я чуть-чуть пройду по этим мифам, которые сейчас распространяются, и о том, почему они ошибочны, тоже расскажу.

Первый миф – это тот самый миф, который гласит, что физические наказания приводят к эмоциональным нарушениям у детей. Что говорят ученые, которые критикуют? Они говорят, что в подавляющем большинстве исследований, которые были проведены, в одну группу были включены родители, которые действительно истязали детей, издевались над ними садистически, и родители, которые просто шлепали их (мать, которая отшлепала ребенка за то, что он выбежал на улицу). Все эти родители попали в одну группу. И естественно, что там появились такие результаты. Как только эти две группы были разделены, как только исследовали отдельно группу, которая практикует легкие физические наказания, оказалось, что никакого вреда психическому развитию детей в этих семьях не оказывается. Это абсолютно нормально развивающиеся дети.

Был следующий миф, который сейчас тоже распространяется, – что родители, которые шлепают ребенка, могут стать садистами и истязателями, то есть сегодня шлепнула мать ребенка, а завтра она его может задушить.

Какие рассуждения приводились в этих исследованиях? Что они делали? Они исследовали родителей, которые подвергались судебному преследованию за жестокое обращение с детьми, то есть реальных действительно истязателей. Их спрашивали: "А было ли так, что вы шлепали своих детей?" Те говорили: "Ну да". И из этого исследователи делают вывод: "Ну, вот видите, раз начинаете вы со шлепков, значит, закончите садистом". То есть такой вот... Значит, если Волга течет в сторону Черного моря, то и Черное море, оказывается, течет в сторону Волги. То есть абсолютный алогизм. На самом деле сами же эти исследователи в каких-то других местах признают, что у родителей, которые применяют легкие физические наказания, не обнаруживается никакой патологии поведения, это здоровые люди, и, соответственно, они не садисты и не станут ими.

Дальше, следующий миф, о котором говорится. Исследователи говорят, что обнаружена связь между физическими наказаниями и поведенческими и интеллектуальными нарушениями у детей, которых так физически наказывают. Из этого они сделали вывод, что именно физические наказания являются причиной того, что у детей есть интеллектуальные нарушения и поведенческие.

Что говорят критики, ученые, которые критикуют эти исследования? Они говорят, что тут перепутаны причина и следствие, потому что не понятно, что являлось первопричиной – интеллектуальные нарушения у ребенка или поведенческие нарушения, а потом это стало причиной того, что родители стали чаще использовать физические наказания, или наоборот. Потому что на самом деле чистый эксперимент в данном случае поставить совершенно невозможно. Чтобы выделить чистый фактор влияния, то есть физические наказания как чистый фактор влияния на психику, нужно сделать так: взять родителей, которые никогда не наказывали ребенка, замерить их психологическое состояние, а дальше сказать: давайте теперь вы будете долго физически наказывать ребенка, а мы потом еще раз замерим. То есть такие эксперименты не ставятся, и поэтому в принципе все эти исследования очень сомнительны. Даже сами исследователи в конце концов признаются... Там есть лонгитюдные исследования в течение...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Жанна Курбановна, пять минут.

Ж.К. ТАЧМАМЕДОВА

Всё, заканчиваю.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Интересно, но...

Ж.К. ТАЧМАМЕДОВА

Оказывается, даже сами эти исследователи признают, что первичными все-таки были интеллектуальные и поведенческие нарушения, а родители вынуждены, например, в отношении интеллектуально сниженных детей, которые часто даже не понимают словесных инструкций (они расторможены), не имея возможности применить словесные методы воспитания, применять иногда шлепки. То есть были все-таки перепутаны причина и следствие. Я сокращаю. Спасибо.
(Аплодисменты.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

Очень интересное выступление. Если можно, в письменном виде тоже передайте.

Слово предоставляется Болдыревой Нине Николаевне, уполномоченному по правам ребенка в Волгоградской области.

Приготовиться Игнатенко Александре Владимировне.

Н.Н. БОЛДЫРЕВА

Спасибо, Елена Борисовна. Прежде всего, я хочу в Вашем лице поблагодарить наших законодателей за то семейное законодательство, которое действует у нас сейчас. Потому что в принципе даже в том состоянии, в каком сейчас находится семейное законодательство, оно позволяет находить ответы практически на любые вопросы. Другое дело – насколько они там удовлетворяют и так далее, это другой вопрос. Но я себе позволяю именно утверждать это с высоты 10-летнего опыта уполномоченного по правам ребенка. Но тем не менее, конечно, вопросы необходимости совершенствования семейного законодательства возникают нередко – и в ходе обращений и жалоб к уполномоченному, и в иных ситуациях, когда приходится разбираться в случаях нарушения прав ребенка.

Мне очень здорово облегчила задачу Дзугаева Алла Зауровна, потому что многие моменты, которые у меня здесь набросаны тезисно, она осветила. Но все-таки возвращаюсь к вопросу об отобрании детей, о применении нормы статьи 77 Семейного кодекса. Действительно, на практике весьма проблематичная и противоречивая в процессе применения норма, это подтверждается слишком частым обсуждением. Но я хотела бы предложить, может быть, вот о чем подумать. Вы подчеркивали неоднократно, что предлагаемое изменение в этой части предполагает судебное рассмотрение законности или незаконности. Однозначно я за судебное рассмотрение этого вопроса, но все-таки именно таким образом, что либо закрепляет это отобрание суд, то есть закрепляет, либо...

Понятно, что законно, незаконно... Если это незаконное отобрание, то суд, соответственно, реагирует и так далее. Но именно этот момент по аналогии, к примеру, с помещением детей в центры временной изоляции... то есть на три дня помещают, а дальше суд определяет. Так вот, именно закрепляет эту норму об отобрании либо нет. Суд определяет, что да, вы отобрали, возможно, папа был пьян или что-то еще, но мама при этом была на работе, и, собственно говоря, что мешает вернуть этого ребенка в семью маме? То есть в принципе было, и не подвергается сомнению законность в этой ситуации отобрания. Но либо мы закрепляем, суд закрепляет, либо он решает: нет, ребенок возвращается в семью, он с мамой, для папы там что-то прописывается и так далее. То есть я, например, за такого рода подход.

Е.Б. МИЗУЛИНА

То есть Вы предлагаете не оценку законности (незаконности), а еще подтверждающее – отобрать, не отобрать?

Н.Н. БОЛДЫРЕВА

Да, совершенно верно. Это первый момент.

Второй момент, но не в плане иерархии, а в плане именно таких тезисных вещей. Очень смущает норма статьи 64 Семейного кодекса, которая определяет, что защита прав и интересов детей возлагается на их родителей. И при этом предусмотрено этой статьей, что родители не вправе представлять интересы своих детей, если органом опеки и попечительства установлено, что между интересами родителей и детей имеются противоречия, и в случае разногласий между родителями и детьми органы опеки и попечительства обязаны назначить представителя для защиты прав и интересов детей. Такая интересная, специфичная норма, и она, кстати, на практике абсолютно редчайшим образом используется, ну, за исключением случаев, когда уже напрямую либо ограничение в правах родителей, тогда, само собой, отстраняются родители от права представлять интересы детей... Но норма очень специфичная, и на практике, кстати сказать, она могла бы (если, может быть, более детально и четко... либо какими-то подзаконными актами, либо в порядке, когда вы говорите о применении института предупреждения родителей...) каким-то образом применяться. Могу, например, сказать, что я, как уполномоченный по правам ребенка, даже насаждала возможность применения на практике именно этой нормы, когда орган опеки и попечительства помогал, допустим, маме преодолевать несогласие папы на временный выезд за рубеж – для лечения и так далее (вот папа встал в позу и не дает такого согласия). И тогда, именно пользуясь этой нормой, органы опеки (правильно это, неправильно...) выносили на самом деле постановления о том, что в интересах ребенка папа отстраняется от представления интересов своего ребенка и орган опеки дает разрешение на выезд этого ребенка.

Дальше. Чем бы хотелось, чтобы пополнилось наше семейное право? Буквально два момента очень коротко.

Это все-таки споры о месте жительства детей, они просто захлестывают.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нина Николаевна, время.

Н.Н. БОЛДЫРЕВА

И случаи фактического похищения детей внутри страны уже вышли из разряда редких, поэтому здесь необходимо, чтобы поведение родителя, который фактически похищает ребенка, нашло отражение и в семейном праве, и, возможно, в административном, в уголовном.

И последнее, на что я хотела бы обратить внимание, – это суррогатное материнство. Суррогатное материнство регулируется только Федеральным законом "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации", плюс регистрация рождения этого ребенка. Я полагаю, что семейное законодательство обязательно этот вопрос должно отрегулировать. Обязательно!

И соглашусь с Александром Анатольевичем относительно того, что (вот мое видение такое) предупреждение родителей (соответствующая мера), ограничение... Только через процедуру ограничения родителя в родительских правах, то есть временное, которое может быть один раз, второй раз... Ограничили в правах на совместное проживание, второй раз совместное проживание разрешили, но ограничили в правах полностью представлять интересы ребенка, к примеру, третий раз ограничили. Но лишение родительских прав должно быть только тогда, когда прошла процедура ограничения в родительских правах. И лишение родительских прав, по моему мнению, должно быть сопряжено с уголовным преследованием. Если дотянули до уголовного преследования, совершили уголовное преступление – вот тогда лишаем родительских прав. Остальное все идет – максимум ограничение, работа, работа, работа, помощь семье. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

Да, надо думать. В принципе можно и без сопровождения обходиться, ограничение действительно многократно можно предлагать (устанавливается на срок), указать, в каких правах ограничивается и что должен делать. Истекает срок – опять в суде, опять... То есть он как бы сам по себе, без сопровождения, но кто-то все равно же должен... Как доказать, что он что-то делал или не делал, и какова ситуация? Все равно получится, что какой-то наставник... Ну, давайте думать. Действительно, много умных людей, и найдем вариант.

Слово предоставляется Игнатенко Александре Владимировне, члену Правления Федеральной нотариальной палаты, нотариусу города Москвы. Выступление на тему "Проблемы применения норм семейного законодательства Российской Федерации в гражданском обороте".

Приготовиться Селезнёвой Ольге Николаевне, город Липецк.

Пожалуйста, Александра Владимировна.

А.В. ИГНАТЕНКО

Уважаемые коллеги! Нотариат в Российской Федерации занимается в основном имущественными отношениями, удостоверяя определенные сделки, и понятно, что мы применяем

нормы как семейного законодательства, так и связанные с этим нормы гражданского законодательства, Федерального закона "Об опеке и попечительстве" и так далее.

В течение 20-летнего срока действия Семейного кодекса были выявлены в практике определенные вопросы, которые, пользуясь сегодняшним обсуждением, мы хотели бы обозначить, с тем чтобы не приводило к затруднению применение этих норм. В некоторых случаях неоднозначное толкование семейного законодательства дает возможность и научные диссертации защищать по определенным темам, и ученые не могут найти между собой одинакового толкования по этим вопросам. Может быть, они не очень значительные, но тем не менее я хотела бы их сегодня обозначить.

В частности, сделки, которые совершают законные родители от имени своих малолетних детей. Это статья 28 Гражданского кодекса, она отсылает действия таких родителей к статье 37, а статья 37 с 2008 года тоже имеет отсылочную норму к Федеральному закону "Об опеке и попечительстве", причем в целом. И вот такие односторонние сделки, как доверенности... Хотя по этому поводу ученые спорят, является это сделкой или нет, но официальная позиция – что это сделка, и суды таким же образом к этому относятся. И предлагается, чтобы родители, выдавая доверенности, в любом случае обращались в органы опеки и попечительства для получения предварительного разрешения органов опеки на совершение такой односторонней сделки, хотя это требование относится напрямую исключительно к тем опекунам, которые были назначены в отношении недееспособных граждан.

И вот на эту тему у нас есть уже толкование различных органов государственной власти – и министерства образования, и прокуратуры, и так далее, и все это идет из-за того, что нет однозначного толкования действий родителей, законных представителей, которые совершают эти односторонние сделки. Это одна тема.

Вторая тема, о которой мы хотели бы сказать, до смешного проста – понимание учеными равенства родителей по осуществлению ими своих прав. Вот совершает родитель гражданско-правовую сделку, имеет право он ее один подписать или необходимо обязательно вдвоем прийти? Понимаете? И тоже разные позиции, разное толкование, а влечет это все за собой судебные споры, разбирательства: имел право один родитель подписать доверенность или договор или они должны были обязательно быть вдвоем? Это вторая тема.

Я тезисно, коротко просто...

Е.Б. МИЗУЛИНА

А Вы в письменном виде дадите?..

А.В. ИГНАТЕНКО

Обязательно. Мы с удовольствием даже приняли бы участие, если вы разрешите.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Будем рады. Обязательно.

Екатерина Алексеевна, зафиксируйте.

А.В. ИГНАТЕНКО

Затем у нас большая проблематика по применению семейного законодательства при заключении алиментных соглашений между супругами. Тоже ученые по-разному говорят: что стороной этого соглашения должен быть сам несовершеннолетний ребенок...

Вот давайте по поводу ювенальной юстиции, если мы ее сегодня упоминали... Это в наших нравственных традициях, чтобы 14–15-летний ребенок торговался со своим родителем – плательщиком алиментов о размере этих алиментов, сроках их выплаты и так далее? Тем не менее эта позиция на сегодняшний день упорно пытается пробиться в практику. Нотариат на сегодняшний день применяет нормы семейного законодательства в том числе и в корпоративных отношениях, когда идут сделки с долями обществ с ограниченной ответственностью. И здесь у нас тоже очень большие проблемы со статьей 35 Семейного кодекса, которые следует обсудить внимательно. И тут есть о чем поговорить именно на стадиях рабочей группы.

Что касается конкретного проекта, о котором мы говорим сегодня... Я очень прошу обратить внимание разработчиков на ту проблематику, которая встанет при оформлении наследственных прав, не дай бог, умершего несовершеннолетнего ребенка, а такие случаи у нас не так уж редки, когда, к сожалению, бывают трагедии и дети умирают. И вот умирает несовершеннолетний ребенок, в отношении которого имеется усыновитель (усыновление еще можно по истечении трех лет прекратить, я так понимаю, да?), и есть не лишенный родительских прав в этот период времени родитель. И тот, и другой у нас сегодня являются наследниками. Поэтому здесь требуется, естественно, внесение изменений в раздел гражданского законодательства, регулирующий нормы наследственного права.

Вот я так коротко вам обозначила эти проблемы. Мы, конечно, это все озвучим, вернее, не озвучим, а... Большое спасибо. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Очень интересно. Спасибо, Александра Владимировна. Мы будем рады вместе с Вами работать, Вы нам поможете в части гражданского законодательства, потому что это непростая, конечно, сфера.

Селезнёва Ольга Николаевна, начальник Управления опеки (попечительства) и охраны детства администрации города Липецка.

Приготовиться Коваль Наталье Викторовне, доценту кафедры общих проблем прокурорского надзора Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

О.Н. СЕЛЕЗНЁВА

Можно, Елена Борисовна... *(Говорит не в микрофон. Не слышно.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Пожалуйста, пожалуйста, Ольга Николаевна. Только просьба: чем короче – тем лучше.

О.Н. СЕЛЕЗНЁВА

Я очень коротко. Благодарю Вас, во-первых, за то, что Вы пригласили меня, во-вторых, за прекрасный подбор выступающих. Собственно говоря, мне уже и сказать-то особенно нечего. Вот тот самый орган опеки, про который сегодня так много говорили... Буквально в нескольких словах...

Что касается социального сопровождения для ограниченных в правах, согласна на 100 процентов, что оно обязательно, если, конечно, мы не потащим в суд тех родителей... как вот с вакцинацией сегодня привели пример. Потому что мы ведем в суд на ограничение в правах только тех, у кого неисполнение обязанностей сопряжено с каким-то асоциальным поведением, с какими-то проблемами – алкоголизмом, наркоманией и так далее. Если, конечно, всех подряд таскать, тогда ни о каком принудительном социальном сопровождении не может быть и речи. А вот в данном случае оно обязательно, потому что люди не осознают своих проблем и не видят, в общем-то, выхода из данной ситуации. Думаю, что это нужно.

Что касается возможности совместного проживания... Прекрасное выступление Аллы Зауровны, полностью с ней согласна, здесь очень много рисков, не буду останавливаться.

Отобрание должно быть в законодательстве прописано, конечно, четко, и эти два пути, которые сегодня указаны, – в случаях, не терпящих отлагательств, и в случае непосредственной угрозы – на взгляд практика, на мой взгляд, это одно и то же. Как я буду в этом разбираться? Если мы уберем безнадзорность как понятие и акт безнадзорности у полиции, будет шквал отобраний, будет хуже, чем сейчас. Мы должны дать возможность... Если пьяная мать валяется в песочнице, а пятилетний ребенок здесь сидит, мы должны дать возможность полиции выявить ребенка по акту отобрания, а завтра она покрасит глаза, наденет каблучки и заберет своего ребенка, и придет еще ее работодатель с рынка, который скажет, что вчера у Марии Ивановны был день рождения. Понимаете? Поэтому нельзя... Если отобрание и все последствия, которые далее будут

происходить... Я считаю, что мы должны все-таки дать возможность полиции применить статью 21 федерального закона № 120-ФЗ. Не так уж плох данный закон. Не так уж плох.

Что касается предупреждения родителей. Вот то, что...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Но почему-то именно в этих случаях гибнут дети, особенно маленькие.

О.Н. СЕЛЕЗНЁВА

Но полиция заберет... Она не даст возможности остаться ребенку без присмотра. Ведь кто такие?..

Е.Б. МИЗУЛИНА

Так он и погибает. Ведь факты-то, которые приводили...

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.) У матери...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Хорошо. Да, давайте.

О.Н. СЕЛЕЗНЁВА

Ну что "у матери"? А завтра она заберет этого ребенка. Он выявлен по безнадзорности, а не по отобранию. Она завтра возьмет этого ребенка назад к себе. Мы посмотрим, даже не мы, а полиция... У нас это так делается в практике. Мы не лезем в семью, когда мы не должны туда лезть. И если я не могу оказать семье надлежащую поддержку и какие-то меры профилактики, которыми я по закону не наделена... В федеральном законе № 120 не прописано, что органы опеки осуществляют профилактическую работу. Профилактика – это помощь семье. Я не могу оказать этой семье... Мне, дай бог, за замещающими семьями уследить, там проблем выше крыши. А я буду лезть еще на начальном этапе в эту семью, и потом меня будут ругать.

Здесь что проваливается? Соцзащита. Качество услуг. Закон № 442, закон № 120, статьи 12 и 13. Давайте называть вещи своими именами. Надо повышать качество услуг помощи семье – социальной, психологической, педагогической, медицинской и так далее.

Здесь долго говорила Галина Владимировна Семья (к сожалению, она ушла) про раннее вмешательство органа опеки, выявление проблем семьи на раннем этапе. Ну, товарищи, нельзя тащить меня туда! Я должна... Когда уже все меры профилактики исчерпаны, все для этой семьи сделано и ничего сделать нельзя – вот тогда я должна войти в эту семью, только тогда, но не раньше.

Теперь что касается предупреждения родителей. То, что сказала Анна Максимовна... я абсолютно подписываюсь под каждым ее словом. Абсолютно! Но я обращаю ваше внимание еще на наличие у нас принятого в этом году федерального закона № 182 (я Елене Борисовне положила его на стол). Там есть форма профилактического воздействия, в статье 17 она прописана: объявление официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, я знаю. Я голосовала против этого закона. Он очень обтекаемый.

О.Н. СЕЛЕЗНЁВА

Ну, по крайней мере там есть это предостережение. Но я не знаю... Надо, конечно, на эту тему говорить, но не сейчас, я понимаю. Но вот позиция Анны Максимовны мне очень нравится, то, что она сказала.

И последнее, чтобы не занимать больше ваше внимание... Сказать хочется многое. То, что Алла Зауровна говорила про усыновление и так далее... Не хочу останавливаться. Последнее.

Александр Анатольевич ушел, он хвалил постановление Пленума Верховного Суда от 1998 года № 10, как хорошо оно выполняется. А я положила Вам, Елена Борисовна, письмо, прошу Вас разобраться с Верховным Судом, если можно. *(Оживление в зале.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нет, я с Верховным Судом разобраться не могу.

О.Н. СЕЛЕЗНЁВА

Потому что с 1998 года на орган опеки в соответствии вот с этим постановлением Пленума возлагается контроль за условиями воспитания детей в семьях, в родительских, по сути дела. Муж с женой развелись, она подала в суд, они судятся. Его в правах не ограничили, предупредили, на меня – контроль. Он даже может жить в другом городе. Я там приложила Вам и решение суда, и переписку с судом, правда, не со своим, свой суд мне жалко (но у меня тоже много таких...), а из соседнего региона. *(Смех в зале.)* Это повсеместно. Повсеместно! И им нравится, как выполняется это постановление. Мне не нравится. Почему я должна вторгаться в семью? На меня ни один законодательный акт Российской Федерации не налагает обязанности контроля за обычной семьей (ни один!), только за замещающей.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Конечно.

О.Н. СЕЛЕЗНЁВА

А некоторые суды, вот как этот суд, который я вам в пример привела (письменно положила на стол), даже и периодичность контроля (полгода должна, каждый месяц должна...), форму контроля... Там на все изжоги, что называется...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо за обращение. Обязательно изучим, поставим вопрос об этом.

О.Н. СЕЛЕЗНЁВА

Извините. Спасибо большое за все. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо. Сделаем запрос. Ольга Николаевна, спасибо. Если есть выступление – тоже в письменном виде.

У нас по времени, конечно, всё заканчивается. Но я даю слово Коваль Наталье Викторовне, а после этого мы посоветуемся.

Коваль Наталья Викторовна, пожалуйста.

Н.В. КОВАЛЬ

Уважаемая Елена Борисовна, уважаемые участники парламентских слушаний! Приветствую вас. Настолько интересно сегодня находиться на вашей площадке! Елена Борисовна, огромное спасибо. Потому что действительно мы с вами все участвуем в одном очень важном мероприятии, которое касается защиты семьи и нахождения в ней ребенка.

Не буду останавливаться уже на тех вопросах, которые здесь обсуждались. На что мне хотелось бы обратить внимание?

Мы всегда говорим о том, что у нас семья – это главная ячейка общества. Нельзя не согласиться, семья – это основная площадка, где у нас формируется полноценная личность, и мы все знаем, что только в любви, в семье это может быть сделано. Поэтому всегда говорим: кто осуществляет основные интересы ребенка? Это его родители. Но самый главный интерес ребенка в чем заключается? У нас есть это понятие – что родители осуществляют свои родительские права исходя из интересов ребенка. Что такое интересы ребенка? Их определяют родители самостоятельно по своему собственному убеждению. Мы оперируем этим понятием, но мы его терминологически закрепленным не имеем, потому что оно оценочное. Как правильно говорила Ольга Юрьевна, у нас очень много в Семейном кодексе таких понятий.

Но что у нас происходит на практике? У нас Семейный кодекс, в котором нет понятия "семья". Ну, хорошо, мы всё это понимаем, что это наши семейные культурные ценности. Семья – что это такое? Это что, родитель 1 и родитель 2?

Давайте посмотрим концепцию государственной семейной политики. Что там определено? Что основная ценность брака заключается в том, что это союз мужчины и женщины. Давайте закрепим эти базовые термины, чтобы у нас не возникало банального вопроса: а что же это такое?

Е.Б. МИЗУЛИНА

Мы солидарны.

Н.В. КОВАЛЬ

Да. Поэтому я считаю, что... Я много могу говорить, и мне очень приятно, что... Я бы тоже с удовольствием поучаствовала.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Генеральная прокуратура...

Н.В. КОВАЛЬ

Генеральная прокуратура... Я вам хочу сказать, поскольку я достаточно давно, с 1998 года, работаю в органах, начинала со следствия... Знаете, я всегда слушаю всех очень внимательно и никогда резко не высказываюсь, кого я поддерживаю, кого не поддерживаю, потому что, даже когда я не соглашаюсь с чем-то, это заставляет меня задуматься: а почему же я с этим не соглашаюсь?

Е.Б. МИЗУЛИНА

Правильно. Молодец.

Н.В. КОВАЛЬ

Я не могу согласиться сейчас с той позицией, что у нас родительская семья – это территория насилия, где к детям применяют насилие. Нет. Но я не могу отрицать тот факт, что у нас в семьях к детям применяют насилие. Я 15 лет работаю над проблемой жестокого обращения с ребенком в семье. Я на всех площадках, когда выступаю, говорю, что это оценочное понятие, которое было включено в семейный кодекс еще 1969 года в качестве основания к лишению родительских прав, это являлось камнем преткновения в статье 156. А вы все сейчас знаете, что у нас НКС будет рассматривать проект постановления Пленума Верховного Суда, слава тебе господи, по этой пресловутой статье 156, где камнем преткновения будет понятие "жестокое обращение с ребенком". Я просто хотела бы, чтобы это было зафиксировано, потому что в качестве оснований, которые здесь предлагались нам для решения вопроса о лишении родительских прав, это действительно крайняя мера ответственности, но это не клеймо, которое ставится на родителях, и мы все должны это понимать.

Мы все говорим о том, что у нас не работает федеральный закон № 120. Я согласна, что с законом № 182 сейчас очень много противоречий на практике возникает, там много нюансов. Но мы не можем отрицать, что система профилактики будет работать только тогда, когда это будет действительно система профилактики и каждый орган, который у нас перечислен в статье 4 федерального закона № 120, будет отрабатывать... и гарантии, которые прописаны, о том, что мы обязаны информировать каждый орган в своих полномочиях, будут у нас осуществляться. Сейчас это не отрабатывается. Такое вот отсутствие информационного взаимодействия, когда один орган в одну сторону, другой – в другую. Нет замкнутой цепочки.

По поводу органов опеки и попечительства. Считаю (согласна и с Анной Максимовной, и с другими коллегами, которые выступали), что нам нужен сейчас стандарт, наверное, какой-то высшего образования, раз мы возлагаем на органы опеки и попечительства... и они у нас так активно участвуют в этом. Кстати, социальный университет был в свое время объявлен проектной площадкой, где, возможно, будут готовить таких специалистов. Я, к сожалению, не знаю, как сейчас там этот вопрос решается.

А.М. РАБЕЦ

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) Сейчас уже не очень...

Н.В. КОВАЛЬ

Понимаете, если мы говорим... Но мы не говорим о мерах ответственности. Мы на этих людей возлагаем определенные права, даем им права, они исполняют обязанности, но у нас нет мер ответственности. Посмотрите, что получается на практике? Если случаются с ребенком такие ситуации, и когда прокуратура вмешивается и смотрит законность, где у нас были органы опеки и попечительства... Сколько на практике по халатности (статья 293) уголовных дел возбуждено? Мы об этом не говорим. Давайте будем конструктивными и не будем выдергивать факты. Действительно, факты вопиющие. Когда погибает ребенок – это... Я всегда говорю, что мы почему-то всегда задумываемся, когда с ребенком происходит ЧП. Мы работаем по ЧП.

Я работаю на факультете повышения квалификации руководящих кадров, и на одной из лекций по федеральному закону № 120 мне сказали (на уровне заместителя руководителя субъекта): "Наталья Викторовна, а почему Вы так говорите? Вы не правы". Я говорю: "Вы знаете, я с вами соглашусь, если вы меня убедите в обратном, если вы мне действительно скажете, что у нас ранняя профилактика, которая направлена на выявление семей". Я не призываю к тому, что: ой, вы узнали о том, что в этой семье, доложите, пусть у них заберут ребенка. Мы же не с этими

целями этот закон принимали. У нас же какая основная цель? Чтобы это стало известно, чтобы семье была оказана поддержка, чтобы ребенку была оказана поддержка.

Мы все думаем, как наказать родителей. Кстати, в качестве предложения... Я считаю, в порядок (я готовила другое выступление, Елена Борисовна) о лишении родительских прав нужно добавить, чтобы суд обязательно в своей резолютивной части указывал, а где ребенок-то будет находиться. Зачастую мы смотрим судебные решения: лишили родительских прав, а что с ребенком? Правильно кто-то из коллег здесь поднимал вопрос о том, что ребенок остается в той же семье.

И в заключение (вопросов у меня много) – по поводу фактических воспитателей. Все мы знаем наши традиционные семейные ценности – это многопоколенная семья, когда родители, дедушки, бабушки... И сейчас, к сожалению, у нас уже другие, современные реалии, когда дети находятся фактически на воспитании у своих бабушек, дедушек и других родственников.

Ваш коллега из комитета поднимал вопрос, что падчериц и пасынков (эту категорию) надо защищать социально. Социально сейчас с точки зрения нашей финансовой ситуации это сделать невозможно, потому что у этих падчериц есть папы, мамы, ну, в зависимости от того... Но я хочу сказать, что эти дети должны быть защищены в том числе от этих фактических воспитателей, которые зачастую выходят из этой плоскости ответственности, даже по той же статье 156.

Поэтому я хочу, наверное, обратить внимание: если мы говорим об этом, то нам нужно предусмотреть какие-то нормы, которые бы говорили... У нас же есть нормы в Семейном кодексе об общении бабушки и дедушки, да? Почему мы тогда не ставим вопрос, если они несут у нас какие-то обязанности, как фактические воспитатели, о том, чтобы наделить их правами? Пусть у них будут какие-то меры ответственности тоже, потому что, когда ребенок находится в семье, в обстановке, когда он доверяет этим людям, они не могут отвечать наравне с теми людьми, которые являются ему незнакомыми, которые шлепнули, побили, еще что-то. Много можно говорить.

Я вас хочу поблагодарить за то внимание, которое оказывается этой проблеме. Я считаю, что если мы вносим какие-то изменения в Семейный кодекс, то нужно, чтобы точно, прямо по каждому моменту каждый мог высказаться, потому что только действительно в такой конструктивной беседе можно принять те решения, которые будут на практике эффективны. Я благодарю вас за внимание. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

Мы рады будем видеть Вас тоже при обсуждении. Но я хочу обратить ваше внимание, что когда мы говорим об ответственности и о реальности, в которой применяется ответственность, то почему-то получается, что родителей легко привлекают к ответственности по той же статье 156 Уголовного кодекса.

Н.В. КОВАЛЬ

Да.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Моя личная позиция: родителей в статье 156 быть вообще не должно, потому что жестокое обращение с детьми... Я сегодня не случайно показывала: всё есть. Что еще помимо побоев, где взял и причинил физическую боль без вреда здоровью, что еще жестокое обращение? Ну что еще? Но это же урегулировано. Что в статье 156?.. То есть это даже не физическая боль, получается, а в угол поставил, что ли? Это просто уже за гранью, за пределом.

Так вот, как только родитель – вопросов нет, легко привлекают к ответственности. А Вы говорите "единичные случаи". Единичные случаи... Да, мы узнали о двух случаях, они стали благодаря СМИ и общественным организациям достоянием общественности.

Н.В. КОВАЛЬ

Да, конечно.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Они это выявили. Мы узнали о двух случаях гибели невинных новорожденных детей. И где ответственность тех, кто это произвел? Нет. Ее никогда нет, там всегда все действовали по закону, по инструкции. Они никак иначе не могли. Они осуществляли профилактику такую, что в результате смерть ребенка неизбежна. Так ведь это же единичные случаи! А кто знает, что это единичные? Это единичные случаи, которые стали достоянием общественности. Попробуйте, меня тоже опровергните, что там, где речь идет об органах власти – правоохранительных ли, органах ли опеки (они все равно представляют органы власти, они наделены соответствующими полномочиями), – привлечь к ответственности почти невозможно.

Из-за этого родительская общественность так и беспокоена, потому что они знают: начнут накладывать разного рода и прописывать все эти механизмы, профилактика... Ну, зачем на всю страну профилактика? Вы мне скажите, пожалуйста, ну что... Раньше она тоже работала, и в Советском Союзе. Участковый инспектор – очень хороший профилакт. Почему? Вот развивайте институт участкового. Он всех знает на участке, его знают, если он нормально работает. Он

всегда придет в семью и спросит: ребята, вы что тут делаете? В него надо вкладывать, вот в полиции – в него. Не надо никаких других служб профилактики. Штатная численность их должна быть достаточной. Нормальные, продвинутые ребята.

Н.В. КОВАЛЬ

Их сократили.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Так вот об этом и надо говорить! А мы настраиваем еще, еще... Службы профилактики применяют меры индивидуальной профилактической работы... Один участковый нормально на своем участке проведет без всяких планов профилактики эту профилактическую работу. А если у него есть время, он это и сделает. Я даже у себя смотрю: нормальный, хороший молодой парень у нас на участке, и по домам... Теперь это всякие баннеры с телефонами. Это все реально.

А когда мы надстраиваем массу профилактических мероприятий, вот они и давят. На кого они начинают давить? На кого легко надавить. На кого легко надавить? На простую, обычную, без всякой "крыши", без звездности семью. Как легко, извините, все время давить на нее, "парить", прессовать. Очень даже удобно и отчитываться: сходил, сделал, отобрал, указал, применил, план составил – всё. У всех все хорошо, планов полно. Только нашим семьям все сложнее и сложнее, они всё больше и больше беспокоятся, что же с ними будет и с их детьми. Этот момент просто ощущается в обществе. И я этого понять не могу.

Я понимаю, санкции иностранные к нам применяют, еще кто-то внедряется, но наши-то граждане, наши семьи в чем виноваты? Почему их-то так в санкции?.. Ведь они же тоже фактически заложники каких-то профилактических санкций. Ну, очевидно, что не туда идем. И это же денежно все – эти все службы, новые полномочия... Вот как начинают про органы опеки и попечительства и увеличение штатной численности... Понятно, что должна быть какая-то разумная... Но ведь получается, что надо все наращивать, наращивать, еще службы, которые будут их обучать, а там повышение квалификации, помещения... Не нуждаются наши семьи в этом. Нет такой опасности, даже с домашним насилием. Ну, зачем?.. Неужели не понятно? Ну, давайте честно скажем: домашнее насилие как тему... У нас нет названия "домашнее насилие", но в Уголовном кодексе полно... А зачем, если в Уголовном кодексе всё есть?

Что такое домашнее насилие? Давайте только по Уголовному кодексу (и плюс еще у нас административный кодекс) выведем все эти меры (а у нас еще и 120-й – профилактика, и чего только нет, еще и вот этот новый закон о профилактике), сделаем системную справку относительного того, что у нас в уголовном законодательстве, в административном, в разных

прочих, которые могут применять... И получится, что у нас то, что в Европе вкладывается в тему домашнего насилия... Да, у них есть отдельный состав. Один состав введут в уголовный кодекс: домашнее насилие, семейно-бытовое насилие – и всё. А у нас туча всего! Почему не работают конкретные составы? Это вопрос к правоприменителям.

Теперь же через это домашнее насилие, потому что в Европе это модно... Это же в Европе модно. Неужели не понятно?! Им модно. Они дают гранты. Они таким образом хотят вторгаться в нашу семью. На нас накладывают санкции, Россию везде "обрезают", вбрасывают тему домашнего населения. Ну, кто же за домашнее насилие? У нас есть кто-нибудь за домашнее насилие? Никого. Так давайте примем закон о счастье семьи. *(Оживление в зале.)* Кто против счастья семьи? *(Смех в зале.)* Давайте запишем: счастье семьи – когда нет домашнего насилия, когда к ней не применяют домашнее насилие, убирают домашнее насилие. Когда к ней не принимают дополнительные меры профилактики – семья счастлива. Когда ребенка не отбирают – семья счастлива. Давайте мы начнем... Вы понимаете, нас вынуждает общественность, и я, защищая интересы семьи и общественности, тоже буду вынуждена предлагать такие законы – о счастье семьи, традиционной семьи в России. Ну, нельзя...

Если у вас нет сегодня выхода куда-то, меньше контактов на Западе (меньше контактов из-за санкций), ну, не надо цепляться за то, чтобы иметь контакты с Западом. Обмен, поездки, выглядеть очень красиво перед западными коллегами, что вот мы занимаемся домашним насилием... Нельзя подбрасывать такую тему! Это мошенничество, самое настоящее политическое мошенничество, через которое Россию пытаются втягивать в эту тему, давать возможность тем, кто выезжает, общается на международном уровне, отчитываться: смотрите, какая Россия здесь продвинутая! Не полюбят! Не полюбят Россию из-за этого, как бы мы ни прогибались по домашнему насилию, по ювеналке. Не будет этого!

Отдельные чиновники, отдельные депутаты и члены Совета Федерации, отдельные общественные организации, которые на эти гранты живут и имеют возможность туда выезжать, получать за свою международную экспертизу деньги, они выиграют, да. Но разве Россия сводится только к этой небольшой кучке людей? Совершенно нет. И в связи с этим я совершенно понимаю возмущение родительской общественности. Я только не понимаю, почему такой большой круг, в том числе и среди законодателей, и в других властных структурах, который как бы дистанцируется и говорит: ну, тут такие вот... сумасшедшие, мракобесы, ну, уж совсем отсталые люди. Потому что как же так, разве можно домашнее насилие оправдывать? Какие вы жестокие!

Никто не оправдывает домашнее насилие, но только не надо пытаться из этого домашнего насилия сделать какой-то гигантский миф, что вся Россия поражена этим домашним насилием, что у нас невозможно обойтись без отобрания ребенка. Да, есть эти ситуации, но вот они – исключительные. Не гибель новорожденных детей, когда их отбирают, – исключительные, а у нас именно эти ситуации исключительные. Поэтому на самом деле очень глубокая проблема, которую мы обсуждаем, и она в том числе политическая. Просто на уровне власти, ну, не принято вслух говорить о тех вещах, которые я сейчас произнесла.

И спасибо родительской общественности, которая сейчас объединена, экспертам, которые честно об этом стали говорить, вам, специалистам, кто говорит об этом открыто. И правильно, не надо навязывать эту тему домашнего насилия, это ошибочный путь. Россию опять втягивают в ошибочный путь. В какой? Отказа от традиционных ценностей, отказа от поддержки традиционной семьи, где насилие никогда не приветствовалось. Шлепок ребенку, даже наказание розгами когда-то было (но сейчас-то нет наказания розгами!), ремнем... Многие вспоминают, особенно парни, мальчишки, не девчонки, что да... Я не знаю, в моей семье, где я выросла, никогда это не применяли. Но я об этом никогда не задумывалась, я всегда считала, что если родители требуют, они строгие, то это нормально, надо слушать родителей. А как иначе?

В России что нужно? Не тема насилия. А те, кто с такой рьяностью сегодня протягивает тему насилия, беби-боксов и всего прочего, объединитесь лучше в том, чтобы защищать родителей, в обществе продвигать идеологию: родителей надо уважать в семье, надо слушаться. Научатся дети уважать родителей и будут знать, что нет этого телефонного номера, по которому они позвонят, пожалуются и их родителей куда-то заберут, и на это время дети могут смотреть мультики в компьютере, еще чем-то заниматься. То есть дети должны знать, что самые главные их защитники – это родители и надо слушаться в первую очередь родителей, тогда будет согласие в семье.

Вы посмотрите, мы – на политическом уровне в парламенте. Разве мы не сводим к тому, что давайте договаривайтесь в Госдуме, у вас здесь несколько фракций, потому что вы не договоритесь – не будет спокойствия? Но зачем же мы сейчас семьи так разрушаем? Зачем мы, вместо того чтобы сводить детей и родителей и в обществе продвигать идеологию уважения к родителям, того, что родитель – главный защитник, что он обеспечивает благополучие семьи, он заботится о ребенке, всю говорим про семейное неблагополучие? И создается впечатление... И по многим программам... Программу Малахова уже даже смотреть не могу, слишком много отрицательного. Потому что все время вытягивают... Я знаю, как он выискивает. Если он честно

скажет, они по всей стране колесят, чтобы найти такие случаи. А создается впечатление за счет того, что на всех каналах (первый и второй друг с другом соревнуются) вытаскивают эти маргинальные семьи (и пойми, где настоящая, а где чуть-чуть искусственная ситуация), что у нас, в России, действительно все плохо. А Запад не по средствам массовой информации судит о ситуации?

Н.В. КОВАЛЬ

Это информационная война, естественно, нам насаждают...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Поэтому вот это надо менять. А нам сообщают... Надо продвигать вот это уважение к родителям, особенно к тем, которые заботятся. Да у нас вообще презумпция: все заботятся. И вот тогда, когда будет идеология уважения родительской ответственности, ведь они рожают детей, хотят их воспитывать, обеспечивать будущее свое, детей и страны... Страны! Вот они настоящие патриоты. У нас принято: только тот, кто здоровье и жизнь положил где-то на фронтах... Это все так. А родители, которые рожают, добросовестно воспитывают детей, что, не патриоты? Да за счет этой массы патриотов Россия и традиционная, и патриотичная. И важно, чтобы мы не теряли своих сыновей и дочерей на фронтах, а для этого должны быть крепкие семьи, уважение внутри и согласие внутри. Надо законодательство в этом направлении развивать.

Н.В. КОВАЛЬ

Спасибо большое.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

Но я вынуждена, к сожалению, попросить прощения. У нас выступил 21 человек, а еще 18.

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Не получится, у нас зал уже...

О чем бы я хотела вас попросить? Во-первых, мы оставим... Я вам обещаю: всех, кто записался, кому мы не дали слово, мы прямо включаем в список, в первую очередь вы все получите слово на следующем заседании "круглого стола" или следующих парламентских слушаниях.

А.В. ШВАБАУЭР

Давайте пару минут еще?..

Е.Б. МИЗУЛИНА

Ну, невозможно, я Вам объяснила.

А.В. ШВАБАУЭР

Я из Петербурга приехала.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Не получится. Я приношу извинения.

А.В. ШВАБАУЭР

Я беременная приехала из Петербурга, дайте время. *(Шум в зале.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Приношу извинения. В письменном виде вот у вас есть, передайте, пожалуйста. *(Шум в зале.)*

Я прошу вас уважать. Извините, пожалуйста, я хочу обратить ваше внимание, что мы никогда представителей общественных организаций на тех мероприятиях, которые я провожу, не ограничиваем, мы всех приглашаем. Вы можете привести примеры, где такая же ситуация? Вряд ли. *(Шум в зале.)* Я понимаю, но у нас, в Совете Федерации, есть порядок. В 14 часов... Мы уже 20 минут пересидели, у нас прекратилась стенограмма. У нас люди, которые обеспечивают... *(Шум в зале.)* Вы понимаете, что меня накажут за это? Вы хотите, чтобы меня наказали и лишили возможности впредь проводить парламентские слушания и "круглые столы"? Пожалуйста.

М.Р. МАМИКОНЯН

Елена Борисовна, мы этого не хотим, но мы дольше спорим. Если женщина беременна (это Анна Швабауэр, очень известный у нас юрист), будьте добры, пусть она выступит в течение двух минут.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Хорошо.

Галина Анатольевна, что будет? Одна-две минуты...

Г.А. СЛАВИНСКАЯ

Я сейчас выйду, поговорю с людьми.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Попросите, пожалуйста. Буквально две минуты. Спасибо.

Пожалуйста, именно Вам... Видите, общественность попросила, чтобы Вам дали слово. Пожалуйста. 22 будет у нас.

А.В. ШВАБАУЭР

Спасибо общественности.

С учетом того, что в последние годы все чаще происходит вмешательство в семью по надуманным основаниям, просто потому, что сотрудники системы профилактики считают неправильными те или иные методы воспитания, лечения ребенка и так далее, мы считаем, наступил момент, когда понятие "право родителей на воспитание" необходимо широко, конкретно и неисчерпывающим списком прописать в Семейном кодексе. Я имею в виду статью 63, ее надо дополнить хотя бы такими положениями (я коротко, пришлю в письменном виде).

Е.Б. МИЗУЛИНА

Пожалуйста, вот дайте Ваши определения.

А.В. ШВАБАУЭР

Коротко. Родители имеют право (в дополнение к тому, что сейчас написано в пункте 1 статьи 63): по своему усмотрению выбирать методы воспитания, поощрения, разумного наказания ребенка; определять занятия ребенка; устанавливать режим дня и питания ребенка; ограничивать общение ребенка с третьими лицами, доступ ребенка к сети Интернет и средствам массовой информации; ограничивать ребенка от информации, которую родители считают для ребенка вредной, бесполезной, требовать от любых лиц соблюдения указанных запретов; привлекать ребенка к домашнему и иному общественно полезному труду, посильному исполнению религиозных обрядов; самостоятельно определять методы заботы о здоровье и способы лечения ребенка, а также профилактики заболеваний; в воспитательных целях использовать методы психологического и физического воздействия на ребенка, не причиняющие вреда жизни и здоровью (так мы хотя бы как-то снимем проблему статьи 116 и надеемся, что ее отменят); в случае необходимости временно передавать осуществление ухода и заботы о ребенке третьим лицам, чтобы не было такой ситуации, когда с бабушкой ребенок остался и признают, что ребенок без попечения. И дальше – неисчерпывающий список. Вот статью 63 нужно дополнять.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Очень большая просьба в письменном виде...

А.В. ШВАБАУЭР

Мы всё пришлем.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Ладно? Потому что очень интересно.

А.В. ШВАБАУЭР

Просим, Елена Борисовна, как-то опубликовать все-таки законопроект и дать время от начала публикации законопроекта...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Пока рано. Мы специально не стали опубликовывать, только в таком достаточно небольшом кругу, потому что это пока рабочая версия, я специально дала концептуальные положения, потому что мы... *(Говорят одновременно. Не слышно.)*

А.В. ШВАБАУЭР

Хорошо. Презентацию опубликуйте, чтобы к ней можно было замечания, к конкретным... потому что за пять минут...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Презентацию я опубликую. Вот то, что я сегодня... все будет.

А.В. ШВАБАУЭР

Чтобы была неделя на реакцию, на конкретное что-то.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Пожалуйста, и вы в этом направлении, споря и так далее, формулировки предлагайте, присылайте.

А.В. ШВАБАУЭР

Пришлем.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Я уверяю, что мы все включим в таблицу, будем обсуждать, и не исключаю, что пригласим кого-то из вас прямо...

А.В. ШВАБАУЭР

Да, чтобы не произошло так, что мы одобрили сегодня то, чего мы не видели. Вот это будет обидно. *(Оживление в зале.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нет, мы пока еще не одобрили, еще ничего не одобряли.

А.В. ШВАБАУЭР

Хорошо, спасибо.

Дальше – по лишению прав. Однозначно должны быть исключены из статьи 69 такие основания лишения прав, как жестокое обращение с детьми, злоупотребление родительскими правами, потому что мы видим по...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Мы исключили.

А.В. ШВАБАУЭР

Да, исключили. Хорошо, прекрасно. Потому что по регламентам, которые внизу, на уровне Петербурга, например, существуют, это широчайшие формулировки, которые позволяют вмешиваться в семью.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Это правда.

А.В. ШВАБАУЭР

Потом, мы считаем, наступил момент, что пора в Семейном кодексе прямо прописать, что материальные проблемы семьи не являются основанием для лишения, ограничения прав и отобрания ребенка.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, тоже очень хорошее, кстати... Прямо запрет ввести, да.

А.В. ШВАБАУЭР

Потому что у нас сейчас такая семья есть, мы работаем с этой семьей: только наличие долгов по ЖКХ – и лишение прав, и трех детей изъяли, в детском доме сидят, а родители прекрасные. То есть эти положения необходимо включить.

Дальше – по ограничению прав. Однозначно надо исключить (я вот не поняла, Елена Борисовна, Вы считаете это необходимым или нет) стечение тяжелых обстоятельств и хронические заболевания, из статьи 73 их надо однозначно исключать.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Мы исключили.

А.В. ШВАБАУЭР

Прекрасно. То есть здесь только помощь семье, причем не навязывать это социальное сопровождение. И мы против того, чтобы это судом устанавливалось и навязывалось, вот, как вы говорите, эта психологическая помощь.

Знаете, я изучаю эту проблему по германскому законодательству и много специальной литературы изучила. Они говорят, что первые, кто на ювенальной системе зарабатывает, – это психологи, потому что им выгодно "подсаживать" каждого родителя на это психологическое сопровождение. Каждое психологическое заключение стоит около 10 тыс. евро (а оно и у нас будет стоить достаточно), им выгодно, чтобы родители бесконечно, годами эти курсы проходили,

доказывали, что они достойны воспитывать своих детей. И, понимаете, это длится... Они тесты опять не сдали, опять отправляют.

То есть мы против того, чтобы вот это психологическое сопровождение и всякое сопровождение навязывалось через судебные акты. То есть федеральный закон № 442, во-первых...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Оставьте свою электронную почту, потому что мы с Вами сможем общаться в электронном виде, высылая...

А.В. ШВАБАУЭР

Обязательно.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Только я хочу обратить внимание, что те промежуточные тексты законопроекта, которые мы готовим, – это промежуточные.

А.В. ШВАБАУЭР

Хорошо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Это не для прессы. Когда мы всё согласуем... Вот когда мы вам сюда вынесем текст – это уже будет означать, что да, вот этот текст давайте обсуждайте в газетах и везде.

А.В. ШВАБАУЭР

Мы готовы работать, вот я лично готова работать.

Е.Б. МИЗУЛИНА

А пока это промежуточный и...

А.В. ШВАБАУЭР

Хорошо. Согласна. Просим включить, вот я себя лично прошу включить в эту комиссию, я кандидат юридических наук, готова, знаете, душу и сердце положить на эту работу, потому что...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Пришлите, пожалуйста.

А.В. ШВАБАУЭР

Пришлю.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Вы видели там мою почту, пришлите, пожалуйста, свою объективку, вот то, что Вы говорите. Хорошо?

А.В. ШВАБАУЭР

Обязательно пришлю.

По социальному обслуживанию... Федеральный закон № 442 надо тоже менять, потому что сейчас происходит... и закон позволяет навязывать это сопровождение. Вы же знаете, это статья 22, где написано, что сопровождение не относится к услугам, а, извините, закон у нас об услугах. Что там делает статья 22? Вот нам не понятно. И она позволяет идти и обследовать условия жизнедеятельности. А статья 29? Тоже надо исключать.

Дальше – по отобраниям. Мы же знаем, что у нас отобрания в основном не по статье 77 закона идут, а по федеральному закону № 120-ФЗ об основах системы профилактики безнадзорности. Поэтому нам надо комплексно менять...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да там нет отобрания. Там меры профилактической работы... *(Оживление в зале.)*

А.В. ШВАБАУЭР

Хорошо. Этого слова нет, но происходит помещение в эти реабилитационные центры и так далее, куда их по закону № 120... Практика такова в основном, что статья 77 крайне редко... закон № 120... *(Оживление в зале.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Но это же... Нет, Вы понимаете, акт... Нельзя по 120-му... Это грубейшее нарушение! В центре... *(Оживление в зале.)*

ИЗ ЗАЛА

(Говорят одновременно.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Так я про это говорю – массовые нарушения закона.

А.В. ШВАБАУЭР

Нет, Елена Борисовна, там закон позволяет, там есть такие формулировки, которыми они пользуются.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нет. Так если он беспризорник, то есть без родителей...

А.В. ШВАБАУЭР

Нет. Мы говорим не о беспризорниках, а... У меня просто... Вот закон, статья 12, по-моему, там есть формулировки, которые позволяют это делать. Да? По-моему, статья 12.
(Оживление в зале.)

Значит, так. Поэтому первое наше дело – это менять федеральный закон № 120 и эти безобразные формулировки социальной опасности семьи. Вы же знаете, что к социально опасной относится семья, где родители отрицательно влияют на поведение детей. Что это такое? Что такое "отрицательно"? И в итоге каждый социальный сотрудник...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Не знаю.

А.В. ШВАБАУЭР

Это действительно самая серьезная проблема, поэтому по этому закону давайте работать...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Может, вообще отменить закон № 120? Я все время была против, потому что это наследие... Не буду называть тех, кто был разработчиком, а то на меня опять...

А.В. ШВАБАУЭР

Смотрите, или мы отказываемся вообще от работы с семьей, или мы считаем, что в каких-то ситуациях она возможна. Если мы считаем, что профилактическая работа когда-то возможна, то это должен быть ограниченный перечень семей. Это действительно наркомания, это действительно, например, психотропные вещества... ну, вот такие основания. Всё. Вот то, что сейчас написано в законе № 120, в первую очередь надо убирать, и автоматически со статьей 77 ситуация у нас станет легче.

Насчет отобрания ребенка мы считаем, что угроза здоровью должна быть исключена из статьи 77, потому что сейчас угрозу здоровью трактуют как отсутствие мяса в холодильнике и так далее. Угроза жизни – да, пожалуйста.

Е.Б. МИЗУЛИНА

А у нас... по-моему, мы только угрозу жизни оставили.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Вот у Вас, по-моему, устно прозвучало – здоровью.

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Есть здоровье, да?

А.В. ШВАБАУЭР

У вас звучало устно – здоровью. Угрозу здоровью надо убирать. Угроза жизни – пожалуйста, отбирайте. Мы понимаем, что разлука – это самое страшное, это может как раз закончиться угрозой жизни. Угрозу здоровью надо убирать. Сейчас мы видим: долги, недостаток игрушек, недостаток еды – это угроза здоровью. Ну что это такое?

Мы считаем, нам надо продумать механизм отобрания ребенка, если оно все-таки происходит, считаем, что родителю необходимо обеспечить обязательно возможность пребывания с ребенком и сопровождения его после отобрания. То есть, если родитель сам не отказывается, если он не преступник, обеспечьте... Потому что разлука – это самое страшное, что происходит с детьми. Ювенальной депривацией, по-моему, это называется, да? И если родитель отказывается по каким-то причинам сопровождать ребенка, мы считаем, что в Семейном кодексе надо прямо прописать родственную опеку.

Елена Борисовна, мы настаиваем, чтобы (как в случае с Умарали Назаровым было: бабушка рядом, все знают, что это бабушка, почему не передать бабушке, почему надо угробить ребенка?) в Семейном кодексе было прямо прописано: передача, если родителя нет или он отказывается, родственникам. В скобках прописать перечень.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Ввести термин даже, да?

ИЗ ЗАЛА

Есть преимущественное право.

А.В. ШВАБАУЭР

У них оно не работает, в этом законе об опеке написано: приоритетно... Мы предлагаем прописать как обязанность. Мы считаем, надо прописать как обязанность.

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) И за несоблюдение этого чтобы было наказание.

ИЗ ЗАЛА

Да, да.

А.В. ШВАБАУЭР

То есть надо прописать механизм передачи родственникам и за несоблюдение этого – жесткое, суровое наказание сотрудникам опеки.

Насчет судебного контроля... Мы переживаем по поводу того, что в течение 24 часов... У нас появятся ювенальные суды, если будет контроль. Поэтому, может быть, лучше сделать более полноценный судебный контроль. Пускай это будет, может быть, неделя (условно, можно это все обсуждать), но чтобы могли присутствовать родители, сам ребенок, если он может выражать свое мнение, родственник (временный опекун), если мы пропишем передачу бабушке, чтобы она могла присутствовать. И чтобы судья мог посмотреть в глаза всем присутствующим, и не по документам: вот опека принесла документы, и он шлепнул печать. На Западе это и есть ювенальные суды, они штампуют решения опеки и социальных служб. Вот по Германии я знаю. То есть фактически там решает все социальная служба, они в суд приходят и штампуют себе решения. Нам надо этого избежать.

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) У нас то же самое будет, если это войдет в практику, точно так же будут суды штамповать. Поэтому необходимо, чтобы адвокат был в процессе и органы опеки в процессе не участвовали. *(Шум в зале.)*

А.В. ШВАБАУЭР

Про адвоката написано, но мы переживаем, что в течение 24 часов... боимся, что это будет штамповка. Вот Вы говорили, что в течение 24 часов после отобрания суд подтверждает законность отобрания.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Дело в том, что в нашей схеме суд никак не может быть ювенальным, он не принимает решение об отобрании, он лишь проверяет законность и обоснованность отобрания.

А.В. ШВАБАУЭР

Но мы же имеем в виду...

Е.Б. МИЗУЛИНА

И судебный порядок контроля (то есть у нас судебный контроль) мы предлагаем именно потому, что административный порядок отобрания, который и превращался в ювеналку, себя дискредитировал, и он закрытый, он не прозрачный. А судебный, особенно если вводится обязательный адвокат на стороне родителей, – извините, это все-таки судебная процедура. Я бы не стала суд наделять полномочием выносить решения об отобрании. *(Шум в зале.)*

А.В. ШВАБАУЭР

Мы не против суда, мы против того, чтобы это был, знаете, такой экспресс-суд.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Ну, давайте смотреть вместе. Но он никак не может быть ювенальным, в нашей схеме он пока никак не ювенальный.

ИЗ ЗАЛА

Но если он будет экстренным и упрощенным, то он будет ювенальным. А если полиция будет с дубинками отнимать детей, как это в Москве происходит... Вообще наделять невозможно... *(Шум в зале.)*

А.В. ШВАБАУЭР

Он просто, Елена Борисовна, станет ювенальным, если мы не создадим условия для нормального рассмотрения.

Е.Б. МИЗУЛИНА

А Вы слышали, что сказал Александр Анатольевич? Он сказал: вы пропишите, пожалуйста, чтобы было четко прямо в самом законе, как проходит это судебное разбирательство, кого вызывать в судебное заседание, кто обязательные участники...

А.В. ШВАБАУЭР

Да, это надо прописать более четко.

Е.Б. МИЗУЛИНА

...как само судебное заседание, как судебное разбирательство... сокращенное или несокращенное... Он об этом специально сказал. И еще когда сел сюда, тоже на это обратил внимание, чтобы обязательно это было в законе, потому что иначе действительно суды окажутся в ситуации: как применять? Ну и начнут по простой схеме. Так все всегда делают, если закон оставляет возможность выбора.

А.В. ШВАБАУЭР

Можно короткий комментарий к тому, что сказал Александр Анатольевич? Он поддержал идею по предупреждению. А мы опасаемся. Смотрите, что происходит. По постановлению Пленума 1998 года предупреждение выносится в случаях, когда рассматриваются дела о лишении прав. Лишение прав – это все-таки должны быть серьезные основания. А то, что было в презентации по поводу предупреждения (основание)... там было написано: нарушение прав и законных интересов детей. Вот это на поток может встать – вмешательство в семью с предупреждением. Понимаете? Поэтому мы полагаем, что достаточно, может быть, ограничиться лишением и ограничением прав, потому что предупреждение – ну, это слишком широкая формулировка, от которой мы вроде хотим уйти.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Может быть. Возможно.

А.В. ШВАБАУЭР

И мы Вас поддерживаем, мы против закона об основах профилактики, который принят этим летом. Безобразный закон, он позволяет вмешиваться в любую семью, широчайшие формулировки, с ним тоже надо бороться. Все, спасибо за внимание. Мы пришлем письменные...
(Аплодисменты.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо. Это было в последний день сессии.

Спасибо всем. Еще раз приношу свои извинения тем, кто не успел выступить. Обещаю, что оставляем вас в числе первых на следующие "круглый стол" и парламентские слушания. Будем признательны, если свои письменные выступления, замечания к проекту рекомендаций вы нам направите сюда.

Неделя для таких письменных замечаний есть. После того как мы совместно в рабочей группе отработаем все замечания и я вынесу это на заседание комитета, соответственно, мы потом опубликуем эти рекомендации как рекомендации, то есть вы их увидите. Естественно, все то, что спорное, очень спорное, мы либо зафиксируем как спорное, либо пока уберем из рекомендаций, чтобы это не звучало как одобренное всеми участниками. Понятно, да? (Микрофон отключен.)
